

Андрей Игоревич всегда был оптимистом, и оптимизм его не иссякал долго, лет до сорока. Не случайно его еще в школе прозвали Везунчиком. Когда Андрюша, будучи студентом второго курса, принес в областную газету свои первые стихи, еще очень сырые и несовершенные, его встретил добродушный, румяный, толстый увалень, заведующий отделом культуры.

— Эти стихи мы точно напечатать не сможем, — пробормотал веселый толстяк, потирая кожные «браслетки» на запястьях, — но я вижу, что у тебя есть потенциал. И вообще ты наш человек... Может, статейку соорудишь какую-нибудь? Ну, скажем, о ваших университетских стройотрядах... или о самодеятельности? Тебе надо в литстудии заниматься, у тебя дело пойдет, я это чувствую. Вот тут рядом с нами, в доме напротив, «Лира» собирается. Ходи туда, тебе это нужно.

В литстудии мальчика встретили доброжелательно. Руководитель, однако, сурово раскритиковал вялую подборку, но Андрей не обиделся: ему нравилась работа над ошибками. И уже через год он стал писать настолько хорошо, что молодежная газета стала публиковать его регулярно. Почти каждую неделю выступал молодой человек с чтением своих стихов в парках и скверах города, на фабриках, заводах, в рабочих и студенческих общежитиях, и бюро про-

паганды художественной литературы платило ему пусть и небольшие, но стабильные деньги, вполне сопоставимые со студенческой стипендией.

Андрей был добрым, отзывчивым, в меру веселым, в меру застенчивым и меланхоличным, но главное — очень правильным мальчиком. А поэты редко бывают правильными, они всегда норовят выскочить из колеи. Наверное, поэтому его и посылали выступать так часто. Знали, что он не подведет — аккуратно оденется, не будет ругаться матом, не напьется, не будет в пьяном виде приставать к каким-нибудь сексапильным библиотекарям. После окончания университета Андрею удалось избежать обязательного распределения. Мальчик он хоть и был правильный, но очень уж не хотелось ему убивать три года жизни работой в сельской школе. Пользуясь давними связями, мама устроила его в редакционно-издательский отдел областной библиотеки. Зарплата там была, конечно, более чем скромная, зато и работа оказалась спокойной, без стрессов и особого напряжения. А тут еще Андрею с постановлением ЦК подфартило. Не случайно его еще в школе Везунчиком прозвали! Кто-то из важных кремлевских старичков посетовал, что, дескать, очень уж медленно у нас творческая молодежь развивается. Годами, чуть ли не десятилетиями обивают талантливые молодые люди пороги местных творческих союзов, а их упорно не хотят туда брать, дабы не делиться с ними крошечными льготами. И тут, конечно, позвонила одна властная обкомовская дама в местную писательскую организацию с приказом срочно принять хотя бы одного молодого человека в Союз. Выбор, разумеется, пал на Андрея. Не случайно его прозвали Везунчиком. Он всем подходил — талантливый, приличный, образованный, надежный, приятный во всех отношениях. Да вот только книжки не было у него, а какой писатель без книжки? По уставу две книги должны быть для приема в Союз, а тут у автора вообще ни одной. Непорядок! Директорша издательства, бывшая фронтовичка и энкавэдэшница, не одну пачку «Беломора» выкурившая на Воркуте, дама ушлая и такая партийная-препартийная, предложила издать книгу Андрея Демина вместо очередной уже сверстанной книжки местного божьего одуванчика, старенького прозаика-инвалида. Одуванчик, конечно, обиделся, растерял свои оставшиеся семена, ушел в творческий запой, но ему толково объяснили — Степаныч, это же постановление ЦК! Партия сказала «надо», комсомол ответил — «yes». Маму слушаться надлежит.

Собрание областной писательской организации, на котором принимали Андрея, провели, когда книжка его еще в типографии печаталась. Бухгалтерша Союза, пытая от усталости, притащила на собрание в хозяйственной сумке невскрытую пачку, перевязанную грубыми почтовыми веревками и пахнущую типографской краской. В пачке было целых пятьдесят экземпляров — хватило с лихвой каждому члену Союза, желающему полистать новенькую книжку перед собранием. Председатель правления, пожилой, пастозный и желтозубый от постоянного курения поэт Новожилов с тоненькими звездочками синеватых причудливых вен на одутловатом носу и щеках, провел личную беседу почти с каждым писателем, умоляя его не голосовать против Андрея. Правда, пять человек все же не послушались доброго пастыря, тайно проголосовали против, но это никакой роли в жизни молодого поэта не сыграло — большинство членов были «за». В Москве дело Андрея Демина в долгих ящиках, разумеется, не лежало, и вскоре стал он членом Союза.

Где-то через год после вступления в Союз понял Андрей, что за выступления и публикации получает на порядок больше, чем за ежедневную шестичасовую работу в библиотеке. Таким образом, в двадцать восемь лет написал он заявление об уходе с работы и нигде больше не служил до той самой катастрофы, которая произошла в нашей стране в девяносто первом году. Словом, был до той поры наш герой самым настоящим везунчиком. Во всех смыслах этого слова. И в личной

жизни все у него хорошо было. Во всяком случае, в начале. Работала в областной библиотеке, в отделе комплектования, толстенная девушка Лена Кузякина, выпускница библиотечного техникума. Скромная такая, улыбочивая. Нельзя сказать, чтобы она Андрею очень нравилась. Но в молодые годы, особенно когда нет постоянной девушки, у юношей часто от избытка гормонов головы кружатся. Так вот однажды, когда Лена, чуть нагнувшись, книжки на столе раскладывала, не удержался Андрей, подошел к ней сзади вплотную и обнял девушку за то место, где у других бывает талия. Объятия эти были самые что ни на есть приличные, дружеские, никаких последствий не предполагающие. И никак не предполагал наш герой, чем это закончится, поскольку опыт общения с противоположным полом был тогда у него совсем уж крохотный.

— Задвижку закрой, — неожиданно произнесла Лена.

— Какую задвижку? — не понял Андрей.

— Ну, какую-какую, — недовольно оборвала его библиотекарша. — Шпингалет закрой на двери, а то зайдет случайно кто-нибудь.

Через пять минут наш герой, тяжело дыша, уже открывал шпингалет.

С тех пор он каждый день заходил в отдел комплектования и всегда видел Лену в одной и той же позе. Вот так неожиданно у них и началось то, чем обычно все заканчивается. Никаких цветочков и всяких не относящихся к реальной жизни сантиментов Лена не требовала — женщина она была практическая и хозяйственная, и Андрей ей давно пришлось по душе — не пьет, не курит, порядочный, а к тому же еще и самый молодой профессиональный писатель области. Шутка сказать — двадцать семь лет, а уже член Союза писателей! А то, что сразу про шпингалет тогда заговорила, совсем не характеризовало ее с плохой стороны. Скорей, наоборот. Просто она давно к Демину присматривалась и не прогадала. Похоже, что с первой или второй встречи в отделе комплектования девушка и забеременела. Такое складывалось ощущение, что она специально ждала Андрея для этого важного дела и даже позу приняла самую физиологическую для зачатия. В порядочности нашего героя Лена Кузякина не ошиблась — вскоре стали они мужем и женой. Плотная и ширококостная Кузякина, казалось, была создана для деторождения — роды прошли на редкость быстро и безболезненно, а через полгода она забеременела вновь. И опять необычайно удачные и быстрые роды. После появления на свет второй дочери хотели супруги остановиться, но что-то не сработало, и... родила Лена третьего ребенка. На этот раз все было не так блестяще — мальчик появился с массивной гематомой затылочной области. К счастью, гематома за неделю рассосалась, и малыш быстро стал набирать и рост, и вес.

Успешный писатель, многодетный отец в тридцать лет — так встретил Андрей Игоревич восьмидесятые годы, самые счастливые в его жизни. Лена Кузякина оказалась хорошей матерью и отличной хозяйкой. У нее были очень активные, молодые родители, которые сидели с детьми два года подряд, когда молодые супруги ездили на двадцать четыре дня в Переделкино. А на третий год они стали брать с собой старшую, Лерочку, везли для нее особый матрас в багажнике порывевшей от коррозии «семерки». Жили всегда Демины на первом этаже, в темной комнатке с видом на двор и хозяйственные постройки. Им было уютно в этой комнатке. Андрей почти каждый день входил в телефонную будку, расположенную у входа в старый корпус, в ту самую будку, из которой часто звонили в Москву Пастернак и Тарковский, соединялся с московскими редакциями, договаривался о встречах. Это была очень яркая, многокрасочная, поистине творческая жизнь. Почти каждый год у Андрея Демина выходили книги — или в Москве или в местном издательстве.

Но, как говорится, не все коту масленица... Все резко изменилось в 1991 году. В дальнейшем Андрей часто смотрел на эту страшную цифру и видел в ней зловещую символику. Во-первых, она имела загадочную ось симметрии. Во-вторых, эти ужасные единицы, стоящие по бокам, как конвойные возле арестантов, казались символом чего-то жуткого, сатанинского, разительного, неповторимого и убийственного — такого, что мурашки бежали по коже. В этот год неожиданно заболела Лена. Ничего она не ощущала сначала, кроме общей слабости. В крови нашли мало гемоглобина, предложили обследоваться, но некогда было многодетной маме по больницам бегать. А когда уж совсем невмоготу стало, пошла она к докторам, и обнаружили у нее рак толстой кишки с метастазами в печень. В сорок лет ушла из жизни эта удивительно добрая, хозяйственная женщина, и остался Андрей один с тремя детьми-погодками, младшему из которых, Игорю, было всего десять лет. Конечно, и мама выручала, и родители Лены часто брали детей к себе на дачу. Да и вообще дети никогда не напрягали Андрея. Ему хуже было, когда рядом никого не было.

А тут еще один удар постиг сорокалетнего писателя: местное издательство перестало издавать книжки. Бюро пропаганды художественной литературы развалилось, в журналах перестали платить гонорары. Это напоминало какой-то сатанинский заговор. Александр Михеевич, бывший первый секретарь обкома, стал губернатором. Над обшарпанным куполом бывшего обкома партии развевался уже не красный, а трехцветный флаг.

Андрей Игоревич однажды столкнулся с губернатором на щербатой лестнице старого особняка.

— Что теперь нам делать, Александр Михеевич? — вырвалось из него.

— А вы кооператив какой-нибудь замутите, — улыбаясь, пробормотал Михеевич, и Демин сразу понял, что он это просто так сказал, чтобы только не молчать, а сказать что-нибудь.

Во второй половине своей жизни писатель Демин стал работать вахтером в одном из корпусов медицинского института. Место было неплохое, самый центр города. В этом корпусе находились издательство и кафедра иностранных языков. У писателя появилось много знакомых среди профессоров и доцентов, которые ходили в издательство со своими научными и методическими сочинениями. Люди эти в большинстве своем были приятные, образованные, и общаться с ними было одно удовольствие. Таким образом, опять оказался писатель Демин везунчиком. Андрей Игоревич продолжал сочинять стихи, и директорша медицинского издательства, филолог по образованию, интеллигентная и обаятельная дама, к тому же страстная любительница поэзии, предложила сходить к ректору института и попросить деньги на издание книжки талантливого вахтера. Таким образом, новые книжки Демин забирал на своей работе — по две пачки в день отвозил домой на автобусе и клал под кровать. Впервые столкнулся Андрей с такой ситуацией, что за книжку не заплатили деньги. А продавать свои произведения он никогда не пробовал, да и не хотел.

— Да ты просто везунчик, — сказал ему председатель правления писательской организации желтозубый Новожилов, встретив Демина на автобусной остановке. — Многие наши обивают пороги банков, коммерческих структур, ищут спонсоров. Никто им денег не дает. А тебе предложили книжку издать, издали, а ты все равно недоволен.

Никак не мог понять Андрей Игоревич, в чем ему повезло на этот раз? Неужели в возможности держать свою книгу под кроватью?

— Нет, так нельзя, старик, — на прощание сказал ему Новожилов. — Ты и в

Союзе перестал бывать. Совсем скучился. Давай-ка выходи из депрессии! Я вот сейчас серьезно думаю о том, кому бы «Лиру» передать. Может, возьмешь? Платят, конечно, немного, но ведь деньги лишними не бывают.

И опять повезло Демину. Литобъединение «Лира», которое передал ему Новожилов, собиралось в пяти минутах ходьбы от места работы Андрея. Так вот охранник начал вести литературную студию. С «Лирой» у него были связаны самые лучшие воспоминания жизни. Он ведь и сам там начинал! Поначалу Андрей загорелся этим совсем не новым для себя делом, решил передавать свой опыт молодым. Ему и раньше частенько приходилось выступать в роли руководителя творческих семинаров в Союзе, и работа в «Лире» его скорее привлекала, чем отталкивала. Однако первое, с чем столкнулся сорокапятiletний руководитель, так это с полным отсутствием в «Лире» молодых людей. Какой-то зияющий провал обнаружил Демин. В литобъединение приходили только пожилые графоманы. Молодых гениев там не было.

Накануне своего пятидесятилетия и нового тысячелетия Андрей обрадовался. Президент-алкоголик, объект шуток и анекдотов, неожиданно отказался от своих полномочий. Появились надежды на какие-то изменения. Кто знает, может быть, за книги начнут деньги платить? Может быть, канет в прошлое эта серебристая вертушка, возле которой он проводил сутки через двое? Кто-то сказал, что ребенок — это пущенная стрела. Не совсем правильное высказывание, поскольку некоторые стрелы так и остаются лежать в колчане. А вот в жизни нашего героя все вышло иначе. Все его стрелы улетели за синие моря и высокие горы. Старшая дочь, Валерия, вышла замуж за подводника и уехала с ним в Северодвинск. Вторая, Вероника, поехала искать счастье еще дальше — в Соединенные Штаты. Сначала училась по контракту, а потом осталась в штате Миннесота, жила полужульганально, перебиваясь случайными заработками — лишь бы только не возвращаться в нищую Россию. А младший, Игорек, жил в Москве, работал в частной фирме и осваивал программирование.

Жизнь в одиночестве не устраивала нашего героя. И появилась у него мечта — найти женщину, которая бы это одиночество хоть как-то скрасила. Андрей разместил свое объявление на нескольких сайтах знакомств. Однако за две недели он получил только три письма от проституток с указанием телефона и обширным прейскурантом цен за возможные услуги. Наконец на третьей неделе он обнаружил совсем другое письмо. На этот раз, по всей видимости, писала не проститутка, поскольку запечатлена она была не в коленно-локтевом положении на фоне подушек и занавесок, а в каком-то очень уж деловом кабинете. Рядом с ней был запечатлен включенный монитор и красивый шкафчик с цветными папками внутри. Андрей Игоревич заинтересовался тем, что стояло в шкафу, максимально увеличил фотографию и прочитал на одной из папок: «Отчет за второй квартал... года». Цифры он так и не разглядел, но они, честно говоря, никакого значения для нашей истории не имеют. Что такое цифры, когда о человеческой душе писать положено! Да и что они могут сказать о человеке! Впрочем, и никакая фотография ничего о человеке сказать не может, в том числе и фотография проститутки. Работа это одно, а душа — совсем другое. Женщина на фотографии была красивая, но что-то было в ней не то чтобы дерзкое, но какое-то грубое, однобокое, халтурно сколоченное. Решительный взгляд, волевой подбородок...

Минут сорок походили Андрей с Валентиной по скверу, но было очень холодно и ветрено. А потом вдруг начался совсем не типичный для ноября дождь, причем сильный, настойчивый. Андрей пригласил ее домой. Валентина не отказалась.

— Вы знаете фондовый рынок? — спросила она, повесив пальто на вешалку.

— Совсем не знаю, — ответил Демин.

— Ну, если вы творческий человек, то должны знать. Я ведь не просто бухгалтер, я — главный бухгалтер. Я человек творческий. Перекинуть деньги с одного счета на другой, обналить выгодно — вот мое творчество. Вы о нас, бухгалтерях, плохо думаете.

— Да что вы. Ничего я о вас не думаю. Вообще.

— Думаете, когда в бухгалтерию ходите. Кажется вам, что сидят там такие крашенные фифы с длинными ногтями, перебирают бумажки, в клавиатуру коготками тыкают. Нет, это все не бухгалтера, это всего лишь исполнительницы. А есть над ними — главный бухгалтер, человек творческий. Тот, который деньги может сделать из всего. Хоть из воздуха. — Стало быть, вы фокусница, — предположил Демин.

— Именно так. Вы знаете, что такое офшор?

— Да откуда мне знать. Я же говорил, что я писатель. Книжки пишу. А временно работаю вахтером.

— Почему временно?

— А потому, что я надеюсь, что когда-нибудь за книжки снова будут деньги платить.

— А что, сейчас не платят, что ли?

— Ну да, не платят. Более того, некоторые авторы за свои деньги публикуются.

— Странные какие... Они, наверное, продают потом эти книжки выгодно. Впрочем, я книг не читаю. Некогда. Я ведь личность творческая, вы понимаете... О, сколько книг! — воскликнула Валентина Ивановна, оказавшись в комнате. — Знаете, я могу вам помочь от них избавиться. В доме, где я живу, есть библиотека. Так вот я случайно узнала, что они книги забирают. Могу вам помочь с этим делом.

— Я вовсе не хочу избавляться от своих книг.

— Но ведь вы наверняка их давно прочитали. Зачем вам они?

— Что-то прочитал, а что-то и нет.

— Ну, все равно в такой квартире жить нельзя. Посмотрите, сколько у вас старых вещей! Выкиньте на помойку все это барахло. Книжные шкафы вообще дома не нужны. Да и кресло это... Может, активвар какой возьмет?

— Валентина Ивановна, вы меня не понимаете. Мне нравятся эти вещи.

— Вот вы умный, а какой-то неделовой. Но ведь я человек творческий. Я этот вопрос решу... Нет, нет! Не бойся! — неожиданно перешла она на «ты». — Не выкину я барахло твое. Сейчас позвоню подруге. Елена — музыкант. Мне кажется, ты ей подойдешь. А я таких писателей лохастых вообще не воспринимаю...

Демин был несказанно счастлив, когда Валентина Ивановна покинула его квартиру. Следующий день был полной противоположностью предыдущему. Ночью отвратительный дождь закончился и пошел снег. Но это был не первый, тщедушный, робкий снежок, а роскошный, царский, пышный, по-настоящему зимний снегопад. В некоторые моменты не было видно ни соседних домов, ни несчастных мокрых деревьев, ни разноцветных качелей на детской площадке. Снегопад закончился только к полудню. Серое небо внезапно просветлело, появилось солнышко. Выбравшие на улицу веселые ребята бросились лепить снеговики.

Вечером Демину позвонила Лена, подруга Валентины Ивановны, и они встретились возле этих самых вышеупомянутых снеговиков. Как вчерашний день был не похож на сегодняшний, так и Лена была не похожа на Валентину Ивановну. Очень красивая, женственная, она жеманно тянула гласные, о себе почти не говорила, а только лепила из снега маленькие снежки и кидала их в Демину. И было в этом кидании снежков что-то очень детское, очень милое и непосредственное.

Лена вела себя так, что, казалось, она только и ждала всю жизнь встречи с Андреем в этом маленьком дворе с только что слепленными детьми снеговиками. В квартире Андрея ей понравилось все, особенно книги и старая мебель. Она сразу же села за пианино и стала играть, путаясь, до-диез-минорный ноктюрн Шопена. Однако больше пианино ее привлек коньяк «Хеннесси», подарок графомана из «Лиры», бутылку которого она выдула за час с небольшим. После выпитого Лена почти ничего не говорила, а проснувшись утром, произнесла:

— Зайка, ты купишь мне сапожки? меховые такие, за восемь тысяч?

— Ну конечно, — пробормотал Андрей.

Лена звонила еще недели две, но Демин не подходил к телефону.

Третья девушка была самой молодой и красивой. В ней было что-то от дорогой проститутки. Но Даша на деньги не велась, хотя все остальное делала профессионально, на автомате — и презерватив при помощи рта надевала, ловко прокусив клыкком краешек серебристой упаковки, и умело манипулировала гигиеническими салфетками.

— Какие деньги, милый, — говорила она. — Ты мне просто очень нравишься. И вообще я всегда любила мужчин постарше. В два часа ночи Андрей проснулся от резкого удара по голове. Подушка еще пахла Дашиными духами, но вместо Даши на него смотрел бритый мордоворот.

— Ни слова, сучара, — крикнул он. — А то кляп в пасть засуну.

После второго удара Андрей Игоревич потерял сознание, а пришел в себя в какой-то маленькой вонючей комнате. Он лежал в одних трусах на грязном полу, а руки его были прикованы наручниками к ножке железной кровати. Он уже ни минуты не сомневался в том, что ему предстоит умереть на этом полу. Краем сознания писатель понимал, что бандиты что-то хотят от него. Вроде бы он должен подписать какие-то бумаги. Но Андрей Игоревич физически не мог ничего подписывать — руки и ноги его как будто окоченели и совсем не двигались.

Демин не помнил, сколько он пролежал на полу. Очнулся от яркого света в глаза. Люди в милицейских формах что-то хотели от него.

— Да вы просто везунчик, — сказал капитан Емельянов, когда через неделю Демин давал ему показания. — Всех своих предыдущих клиентов они убили и закопали неизвестно где. Преступники давно охотились за одинокими стариками и заставляли их писать дарственные на квартиры. — Но ведь я не старик, мне пятьдесят пять всего, — возразил Андрей. — И не одинокий. Моя мама живет в нашем городе, в Сормове. У меня трое детей.

— Не знаю, Андрей Игоревич, — ответил капитан. — Может быть, бандиты вас с кем-то спутали. Сейчас организованная преступная группировка находится в розыске, но мы их найдем, найдем обязательно.

С тех пор Демин не знакомился с женщинами по интернету.

3

Последствия пребывания в темной комнате долго давали знать о себе. Преступники выбили Демину все передние зубы, поэтому, когда гематомы рассосались и инженер человеческих душ смог сам передвигаться по городу, он первым делом посетил стоматолога-ортопеда.

Илья Григорьевич носил музыкальную фамилию и всегда говорил, что является дальним родственником знаменитым Рубинштейнам — Антону и Николаю.

— В нашем роду всегда было только три профессии, — любил повторять пожилой дантист. — Часовщики, врачи и музыканты.

Рубинштейн хорошо знал маму Демина, которая была наполовину еврейкой.

Ольга Борисовна протезировала зубы только у него. История потери передних зубов впечатлила умного ортопеда. Илья Григорьевич отличался чувствительной, даже ранимой душой. — Из этой страны надо бежать, — мудро произнес он. — Для нас, стариков, существует три варианта: Америка, Германия и Израиль. А для таких молодых, как вы, наверное, только Германия. В Штатах надо много работать, а наш народ к такому не приучен. Израиль — страна религиозная, опасная и очень жаркая. А вот Германия — самое то. На пособие от Шредера можно жить не работая, никто на тебя косо смотреть не будет. В Москве на проспекте Вернадского, в немецком визовом центре, каждый день в семь пятнадцать утра принимают по вопросам еврейской эмиграции.

Нельзя сказать, чтобы русскоязычный писатель Демин сильно тяготел к немецкой культуре. Однако после недельного пребывания в кандалах хотелось убежать хоть к черту лысому. Если б Андрей Игоревич был убежден в том, что все происшедшее с ним никогда больше не повторится, то он бы, конечно, не слишком впечатлился словами пожилого ортопеда. Однако чудовищная вакханалия продолжалась, и не было ей ни конца, ни края. Тщательно разобравшись в проблемах еврейской иммиграции, Андрей Игоревич осознал, что шансов на переезд у него не так уж и много. Евреем был только его дедушка, и, по всей видимости, переехать он мог только вместе с мамой.

— Не знаю, как и быть, Андрюша, — ответила ему Ольга Борисовна. — Возможно, лучше уехать. Кто знает, может быть, и мне в один прекрасный момент наручники наденут? Да и вахтером работать как-то совсем уж несерьезно. Я не знаю, какая там жизнь будет у нас. Но мы хотя бы сможем ходить не озираясь по сторонам. Хотя твои книги там издавать тоже не будут. Кому там нужен русскоязычный писатель? А сочинять на немецком ты не сможешь никогда.

Через неделю Андрею позвонила Ида Григорьевна, бывший врач-невропатолог, которая уже три года жила в Мюнхене и никак не могла выдать замуж свою сорокалетнюю дочку, очаровательную блондинку, похожую на Грету Гарбо в молодости.

— И не вздумайте ехать, Андрей, — как-то очень самоуверенно и даже капризно кричала в трубку старая еврейка. — Вы не сумеете интегрироваться в здешнюю жизнь. У вас нет профессии. Ваши стихи никому не нужны, кроме советских пенсионеров. Язык вы не знаете и никогда уже не выучите. Сидите тихо в своей России.

«И работайте вахтером», — продолжил мысленно Андрей.

Он положил трубку, но Ида Григорьевна позвонила еще несколько раз.

— Если бы вы могли жениться на Светочке, — сказала она наконец. — Тогда другое дело. У меня нет внуков. Это кошмар. А она красавица. Вылитая Грета Гарбо... Ей нужен надежный человек, ein zuverlässiger Mann, а вы... как это по-русски говорят. Вы лёх, лёх!

— Не лёх, а лох, — поправил Андрей пожилого невролога.

— Ein Loch, natürlich! — согласилась Ида Григорьевна.

Взяв два паспорта, два свидетельства о рождении и военный билет дедушки, в котором была четко голубыми чернилами прописана его национальность, Демин поехал в Москву. Надо было успеть ровно к семи пятнадцати, поэтому поехал наш герой на проходящем поезде, который прибыл в Москву в пять часов утра. На Курском вокзале было темно и холодно. Какой-то бомж ринулся к писателю с предложением купить у него серебряные монеты времен Екатерины. Проститутка с фингалом под глазом нервно курила на вокзальной площади. Через сорок минут он уже вышел из метро «Проспект Вернадского», сразу же сел в автолайн № 616 и вскоре был на месте возле визового центра посольства Германии. До официального приема оставалось больше часа. У посольства стоял большой желто-зеленый

двухэтажный автобус, возле которого толпились шумные таджики-гастарбайтеры. Отдельные евреи небольшими группами по два-три человека ожидали приема у желтого пропускного пункта.

Тут-то Демин отчетливо понял, что его резко отличало от всех этих ожидающих людей: он был единственным, кто приехал в одиночестве.

Сладкое чувство одиночества, которое он всегда испытывал, очутившись один на один с тетрадным листом в предвкушении творчества, чувство, радостнее и первозданнее которого не было ничего на свете, то самое радостное чувство созерцания природы, природных ландшафтов, которое давало ему одиночество, сейчас обернулось чем-то другим — тоскливым и даже страшным. Он прекрасно понимал, что здесь, на улице академика Пилюгина, вовсе не решается его жизнь, и что Россия наверняка не худшая страна в мире. Понимал он, что, возможно, меняет шило на мыло и что в Германии тоже не найдет ничего лучше, чем работу вахтером.

«Это авантюра, дорогой, — услышал он голос Иды Григорьевны. — Типично русская авантюра. Евреи так не поступают. Есть же поговорка, ваша, русская: семь раз отмерь — один раз отрежь».

Права была Ида Григорьевна. Но не измеряла она время, которое проводил писатель Демин возле вертушки в корпусе медицинской академии. А когда он лежал на грязном полу, прикованный наручниками к кровати, ее рядом не было. Даже время, проведенное на этой квартире, он измерить не мог. А отрезать тем более. Никто никогда не одолжил ему здесь ножницы, чтобы отрезать...

В ноябре светает поздно. Чтобы скоротать время, Андрей пересек улицу академика Пилюгина, зашел в тусклое кафе, которое работало несмотря на такой ранний час. На прилавке лежали потрескавшиеся сухие коржики и старые деформированные эклеры, из которых причудливо торчал когда-то вытекший, а теперь уже высохший темно-желтый крем. Демин почувствовал, как его затошнило. Он попросил стакан чая.

— Пирожки есть, мужчина, — протоиерейским басом провещала жирная продавщица с огромной бордовой ангиомой на щеке. — С мясом, с картошкой, с капустой и яйцом.

— Давайте один, с капустой и яйцом, — попросил Андрей. — И стакан чая.

Толстуха налила кипятка в маленькую фарфоровую чашечку, бросила туда пакетик «Принцессы Нури». Для такого большого пакета кипятка было явно мало, и от крепкого чая Демина еще больше затошнило, а пирог с безвкусной капустой не лез в горло.

Он вышел из кафе, пересек улицу, названную в честь неизвестного ему академика. До официального приема оставалось полчаса. Нельзя сказать, чтобы ожидающих было много — Андрей насчитал не больше тридцати человек. Его привлекла семья, стоящая неподалеку. Обыкновенная еврейская семья — стареющий лысоватый отец в драной драповой кепке и старомодных очках в роговой оправе, длинноносая мама с непропорционально толстой задницей и красавица-дочка с большими миндалевидными глазами библейской Суламифи. Андрей внимательно вглядывался в лица этих людей и напряженно думал о том, на кого же в большей степени похожа красавица-дочь, на отца или на мать. У Демина была такая черта — в самые ответственные минуты своей жизни он напряженно думал о постороннем. Почему же это ноябрьское промозглое темное утро он считал таким важным в своей жизни? Что такое особенное, знаковое случилось или могло произойти в его судьбе? Он никогда особенно не интересовался немецкой культурой, не знал языка, да и об истории этой страны имел самые общие представления. Почему ему, русскому писателю, захотелось как можно скорее убежать из России? Неужели он так испугался вечной нищеты и бесперспективности унылого

существования? Что же он делает в это утро здесь, на юго-западе Москвы, внимательно разглядывая таджиков и этот двучетный автобус? Неужели он тоже, как многие представители «колбасной эмиграции», просто захотел удрать из черно-белой нудной унизительной жизни в жизнь яркую и цветную? И почему он вдруг решил, что эта жизнь будет лучше?

— За анкетой? — спросил его, улыбаясь, пожилой картавый еврей. — И мы тоже. Да, давно пора... Анатолий, — представился он. — А это Римма, супруга. Елена, дочь.

«Надо же, русское имя!» — подумал Андрей.

Он никак не мог оторвать взгляда от Елены. Она действительно была очень красива и привлекательна, и даже такой неженственный, казалось бы, черный пушок на ее верхней губе и постоянно текущие сопли, которые она вытирала при помощи голубого клетчатого носового платка, эту красоту и привлекательность странно подчеркивали.

За полчаса ожидания Демин узнал о семействе Руббах очень много. Все они родились на Украине, именно там в песчаных рвах во времена Холокоста остались их родители, дедушки и бабушки. А теперь потомки полицаев заставляют их говорить на украинской мове.

— Укгаинцы! Да это же смешно пгосто, — продолжал картавить Анатолий, и Демин вдруг обнаружил, как удивительно похож Руббах на какого-то очень известного писателя-сатирика. «Почему в России все писатели-сатирики всегда мелькают на телеэкранах?» — подумал Андрей Игоревич, и этот вопрос показался ему интересным. Почему именно сатирикам хорошо живется в нашей стране? Неужели наша жизнь такая смешная?

— У меня очень мало шансов, — неожиданно для себя поделился Демин с новым знакомым. — Ведь во мне только четвертушка еврейской крови. Вот у мамы — половина, и ей должны дать анкету.

— Позвольте, но ведь вы с мамой живете, у вас же нет своей семьи? — спросила Римма. В отличие от мужа, она совсем не картавила.

— Семьи у меня действительно, можно сказать, нет. Дети живут в других городах, и в них по одной восьмой еврейской крови. Такие бы даже в гетто не попали. А вот мама у меня живет отдельно, у нее квартира своя.

— Ну так вы скажите, что с мамой живете? Кто проверять будет! Вы с мамой — одна семья. Может быть, инвалид мама, и за ней нужен уход? Это очень серьезно! Не упускайте этот шанс, он может быть последним!.. А может быть, у вас есть евреи с другой стороны? Со стороны папы? — продолжала расспросы обстоятельная Римма.

— Увы, с папиной стороны если и есть, то только чуваша и калмыки. — А мы собственно, честно говоря, только ради Леночки едем, — призналась Римма. — Ведь должно же быть какое-то будущее у ребенка. И у ее будущих детей. Она прекрасная пианистка! Ровно в семь пятнадцать милиционер вяло отворил стеклянную дверь, и Демин прошел внутрь. В этот момент стали открываться окошечки, и люди подходили к ним с документами. Андрей первым подошел к окну, отворившемуся перед ним, и протянул пожилому усатому немцу документы. Почему-то ему запомнилась галочка из двух морщин, идущая ото лба немца к переносице, напоминающая латинскую букву «V». Демин подумал, что это не просто человек, но это «Vater», «отец». Он и в дальнейшем часто вспоминал этого фатера и пытался установить, из каких потоков подсознания вырвалось это знакомое с детства слово. Правда, Андрей не изучал немецкий ни в школе, ни в университете. Мама в свое время постановила, что куда выгоднее овладеть английским языком, и в пятом классе школы определила его в английскую подгруппу. Но слово «фатер» он очень хорошо знал, хотя и сделал вполне понятную ошибку, заменив букву «f»

Ведь его дедушка неплохо говорил на идиш. У этого седовласого немца с аккуратными прусскими усами действительно было что-то от доброго и законопослушного немецкого фатера. Он недолго разглядывал привезенные Андреем документы, а потом с небольшим акцентом заявил, что предоставит анкету только для Ольги Борисовны, поскольку только она имеет право на иммиграцию. Демин давно готов был услышать эти слова, но все же дежурно пробормотал что-то насчет инвалидности матери. Однако фатер резко и безапелляционно оборвал его:

— Мы предоставляем вашей маме право на переезд в Германию на постоянное место жительства. Она может воспользоваться этим правом, а может и не воспользоваться. У Вас такого права нет. Возьмите анкету для мамы. — Фатер протянул какие-то листочки и захлопнул окошечко. Демин долго не мог выйти из здания, пытался открыть какие-то запертые двери, зашел в туалет, где настойчиво умывался теплой водой. В глазах у него потемнело, голова закружилась. Ему показалось, что все двери закрыты перед ним. Наконец он нашел нужную дверь и оказался в маленьком, удивительно чистом дворике, из которого был выход на улицу. Руббахи давно уже получили анкеты. Анатолий держал в руках заранее подготовленную для них прозрачную папочку с какими-то голубыми волнами. Увидев выходящего из дворика Демина, Елена подбежала к нему. — Так и вышло, только для мамы анкету дали, — проговорил Демин. — Ничего страшного, — сказала девушка. — Пусть сначала мама поедет, а потом уже вы.

— Конечно, конечно, — механически ответил Демин, и, увидев подходящий к остановке оранжевый автолайн с красной полосой на боку, бросился к нему и плюхнулся на заднее сиденье. Елена побежала за ним. Увидев ее, водитель открыл дверь.

— Не волнуйтесь, Андрей, все будет хорошо! — кричала Елена Демину. — Вы увидите! Пусть сначала едет мама, а потом она оформит вам вызов! — Девушка, вы поедете? — прервал ее недовольный водитель.

— Нет, она не едет, — ответил Демин. — Закрывайте дверь.

Водитель закрыл дверь, и последнее, что увидел Демин, были большие, удивленные глаза Елены — глаза печальной горной лани. Он заснул, сидя в автолайне. Сказалась бессонная ночь в поезде и общее напряжение. Ему снились какие-то страшные темные деревья, звук копыт, плач ребенка. Страшный и в то же время такой реальный сон был у него! Он понимал, что то, что он видит, уже случилось с ним. Тонкий мальчишеский голос читал:

Mein Vater, mein Vater, und hörst du nicht,
Was Erenkönig mir leise verspricht?

Откуда появились эти строки? Из каких глубин подсознания они явились? Ведь Демин никогда не знал немецкого. — Мужчина, платить будем?! — кричал водитель над самым его ухом, но Андрей Игоревич не слышал его.

Никогда еще столица не казалась Демину настолько унылой и бесприютной, как в этот день. Надо было отвлечься от тяжелых мыслей. Андрей доехал в метро до Киевской и купил билет на электричку до Переделкина. Это место всегда успокаивало его, расставляло мысли в порядок. К Дому творчества он шел через кладбище. Постоял у могил Тарковского и Пастернака. «Ну, вот и здорово, что я остаюсь на родине, — подумал он. — Может быть, и сюда летом приеду. Вот накоплю немного денег — и приеду обязательно».

Еще утром Демину казалось, что днем обязательно должен пойти снег — кончался ноябрь, и лужи были покрыты толстым слоем льда. Но опять ошибся наш писатель — вопреки его предчувствиям, вернулась бесконечная серая русская

осень. Погода была совсем не для гуляния. Лед растаял, появилась грязь, начал накрапывать мелкий надоедливый дождик. На скамейке возле старого корпуса сидел грустный поэт Ульянычев.

— Андрей, ты когда приехал? — громко провозгласил Ульянычев, и Демин убедился, что писатель пребывает в своем вечном состоянии алкогольного опьянения. — Хочешь, я тебе новые стихи почитаю?

Демин сел на лавочку рядом.

Дрожащими руками вынул Ульянычев из кармана желтые мятые листочки, сложенные вчетверо, затем извлек старомодные очки, частично перевязанные голубой изолентой, надел их на крупный лошадиный нос и, фыркая, начал читать. Стихи были действительно хорошие и очень светлые. Но они никак не сочетались с обликом старого, пьяного, постоянно кашляющего поэта.

— Ну как? — произнес Ульянычев после чтения, сняв очки с крупного лошадиного носа. — Прекрасные стихи.

— Пойдем ко мне в комнату, у меня еще полчекушки осталось, — произнес Валентин Сергеевич. Когда-то он занимал крупный пост в московской писательской организации, сидел в шикарном кабинете с помпезными коврами и телефонами, стены которого наполовину были облицованы ровными красивыми дощечками красного дерева, и молоденькие розовощекие комсомольские поэты, мечтающие о славе и о баснословно крупных гонорарах, сотрясавшие петушиными голосками своды Политехнического музея под рукоплескания юношей и девушек, приехавших с освоения целинных и залежных земель, стояли перед ним по стойке «смирно». Теперь все изменилось. Комсомольские поэты давно обитали в оклахомах и учили стихосложению американских студентов — одного белого, двух негров, китайца и тайванца. Теперь уже не нужно было стоять по стойке «смирно» перед партийным Ульянычевым, и он комсомольским поэтам давно уже был на хрен не нужен. Пришла старость, злобная жена выгнала больного, вечно пьяного сочинителя из дома, и теперь он доживал свой век в обшарпанной комнатенке старого корпуса с туалетом и душем в коридоре. Она уже давно забыла о том, что и квартиру сумела получить благодаря Союзу писателей, в котором состоял Валентин. Забыла потому, что все это было в прошлой жизни, для которой Ульянычев что-то значил. А теперь он был материал отработанный.

Демин ничего не ел с утра, кроме пирожка с капустой и яйцом в кафе на улице академика Пилюгина напротив визового центра, и полстакана водки хватило ему для того, чтобы почувствовать себя скорее странно и необычно, чем хорошо. Голова закружилась, и перед глазами замаячили желтые, красноватые и голубоватые круги.

Вскоре в комнате очутились незнакомые и малопривятные люди. Наверное, это были тоже писатели. Они громко говорили, читали стихи, ругали правительство. Это была обычная, знакомая Демину обстановка. Писатели всегда ругали правительство, даже во времена, когда гонорар за одну строчку стихотворения, напечатанного в толстом журнале, был равен обеду в шикарном ресторане. Какая-то пожилая жирная бабища, неожиданно, как Минерва из головы Юпитера, появившаяся в комнате Ульянычева, постоянно прижимаясь к Демину свинячьим жеleoобразным плечом, кормила его тошнотворным салатом из банки, на котором были нарисованы оранжевые ломтики ананаса.

— А почему вы ничего не читаете? — скандированно, голосом ржавого печального робота спрашивала его бухая метелка. — Почитайте, почитайте, пожалуйста! Я вас знаю, вы из Смоленска! Не раз читала в журналах ваши потрясающие стихи.

Демин хотел сказать ей, что все совсем не так, что он никогда не был в Смоленске. У него давно уже появилось желание сходить в туалет, но он не знал, как

справиться с этой задачей. Наконец он встал и, держась за стенку, направился к выходу.

— Давайте я вас доведу, — по-свойски предложила толстуха. — Не стесняйтесь. Все бывает. Это дело житейское. Главное, что вы поэт. Настоящий поэт! И стихи у вас потрясающие! Демин почувствовал какую-то неприязнь к этой женщине, но он не мог высказать свои мысли. В то же время он прекрасно понимал, где находится, и шел по направлению к туалету, местоположение которого хорошо знал.

«Теперь надо, чтобы это все поскорей ушло, — подумал он. — Мне же надо вечером на Курский вокзал. Поезд в час ночи».

Выйдя из туалета, он увидел все ту же толстуху. Она обняла его красной, потной рукой и сказала: «Пошли в мою комнату». — Ты сначала за минералкой сгоняй, — попросил Демин.

— Хорошо, миленький. Там у нас в баре продают. Ты пока отдохни у меня.

Каких только совпадений не бывает в жизни! Оказалось, что толстуха жила в той самой комнатенке, в которой часто останавливался Демин с покойной женой. Попав в комнату, он мгновенно протрезвел. Ничего с тех пор не изменилась. Та же люстра над головой с круглыми плафонами. Даже трещину на голубоватой раковине он узнал. Во всех комнатах были белые раковины, а здесь — с каким-то голубоватым оттенком. И письменный стол он узнал, этот самый письменный стол, с чернильным пятном, напоминающим по очертаниям Южную Америку. Только вот Лены нет. Умерла Лена. Вместо нее — эта толстая тетенька с минералкой.

— Так значит, ты не из Смоленска? Ну да ладно. Один хрен. Меня Леной зовут. Ты не суетись, отдыхай. Я тебе сама все сделаю. Толстуха оказалась очень темпераментной, доброй и совсем-совсем не корыстной. Похоже, у мужчин она особого успеха не имела, поэтому и брала так резко инициативу в свои руки. Андрей периодически компенсировал потерю семенной жидкости минеральной водой «Ессентуки-17», часто бегал в туалет и чувствовал, что чем больше времени проводит с доброй толстухой, тем больше она нравится ему. Дабы не отвлекаться от любовного соития, Лена даже не пошла на ужин. Около десяти часов вечера в дверь постучали.

— Это Димка, сантехник местный, — прошептала Лена на ухо Демину. — Он ко мне приходит, когда жена в ночную смену работает. Он не ревнивый, но я открывать не буду... У тебя руки такие нежные! Около одиннадцати Лена пошла провожать Демина на станцию. Дороги вновь оледенели, и на подъеме возле кладбища Андрей упал и сильно расшиб коленку — исключительно из-за гололеда, поскольку к этому времени он протрезвел на сто процентов. После долгих любовных упражнений он чувствовал особую легкость во всем теле. Лена сунула ему серебристую визитку и, впихнув его в электричку, навсегда канула в ноябрьской мгле. Сколько у него уже было таких поэтес с потрясающими стихами! Только глупому и пошлому моралисту такие толстухи могут показаться поверхностными! Демин прекрасно знал, что по сердечности и бескорыстию им нет равных в мире.

На Курский вокзал Андрей приехал очень рано, за полтора часа до отправления поезда. Как всегда, он опять что-то не рассчитал. Дважды к нему подходили злобные милиционеры и просили предъявить документы. Складывалось такое впечатление, что они искали какого-то преступника. Давным-давно уже прошло время, когда Андрей Игоревич находил закономерности в жизни и делал какие-то выводы. Он давно уже не был способен ни к какому анализу. Да и не хотел анализировать. После истории с наручниками наш герой чувствовал себя разобраным, но не собранным до конца. Какая-то маленькая шестеренка выпала из его

механизма, но без этой шестеренки механизм не работал, ржавел и рассыпался. Как бы хотел Андрей Игоревич найти эту шестеренку, вставить ее в испорченный механизм! Но ничего, совсем ничего у него не получалось. Кто знает: может быть, вовсе и не преступники во всем этом виноваты, может быть, он просто заболел какой-то неизвестной психической болезнью, а все эти Валентины Ивановны с фондовыми рынками появились совершенно независимо от его болезни, что это все не более чем совпадение, а причина болезни — в нем самом. Он очень, очень часто думал об этом. И вот сейчас, сидя на лавке и глядя, как два пожилых армянина пьют кофе в грязном кафе Курского вокзала, он вдруг отчетливо ощутил свое болезненное состояние. Нет, раньше он не был таким, и мир воспринимал совсем иначе! Армяне пили кофе из коричневых пластиковых стаканчиков, и Демин почему-то думал о том, как все-таки это неудобно — пить кипяток из такой вот одноразовой посуды. Старый армянин с золотыми зубами обжег руку и чуть не выронил стакан на заплесанный пол. Пожилой, умудренный жизнью человек, а не понимает, что нельзя вот так брать этот стаканчик, нельзя, нельзя без перчаток. Нельзя, нельзя, фатер. Нельзя...

В поезде, лежа на верхней полке, Демин спал безмятежным сном младенца. Ему снились какие-то столы, волосатое лоно переделкинской толстوشки, ломтики ананаса, и опять эти немецкие стихи появились в голове. Ну почему же ты, фатер, захлопнул перед ним свое окошечко? Это окно в Европу захлопнулось. Его открыл Петер, а захлопнул — фатер. Проснулся он поздно, в девять часов, когда поезд переезжал через Клязьму. Приятный и симпатичный юноша с чистыми и прозрачными голубыми глазами, в занесенной тельняшке и с полотенцем, подомашнему висящем на шее, предложил ему сыграть в «двадцать одно». Впоследствии Андрей Игоревич долго анализировал свой поступок, не понимал, зачем он согласился. Он слышал, что есть такая карточная игра, но совсем не знал ее правил.

Как только юноша в тельняшке стал раздавать карты, из туалета вышел толстый увалень с двойным подбородком и попросил принять участие в игре. Через минуту показался еще один мужичок, в спортивном костюме, с татуировкой на тыле кисти, изображающей заходящее солнце. В последний раз Демин играл в карты только в детстве. Но здесь, в этом плацкартном вагоне, ему неожиданно везло — за какие-то десять минут он выиграл семь тысяч рублей. Парень в тельняшке неожиданно вынул из кармана спортивных штанов именно эту сумму. Тут-то Андрей начал понимать, что здесь что-то не то, но что-то сдвинулось у него в голове, и когда он начал проигрывать, это его только подогрело.

К счастью, у поэта не было с собой больших денег — он ехал в столицу на один день. И все же ему пришлось выложить на стол последнее. Когда же оказалось, что он проиграл и эти деньги, игроки в одно мгновение ретировались в тамбур.

Демин ринулся за ними. «Отдавай деньги, я сейчас милицию вызову!» — кричал он, вцепившись в замусоленную тельняшку парня. По-видимому, слова о милиции особенно не понравились команде шулеров. Татуированный «физкультурник» открыл дверь тамбура и со всей силы толкнул Демина в кювет. Недалеко находился железнодорожный переезд, по которому уже ехали автомобили, и поезд значительно снизил скорость. Именно это обстоятельство, а также и то, что «физкультурник» скинул Демина в сторону движения поезда, спасло его от возможной гибели. Страшнее всего, однако, был вовсе не удар о твердую морозную землю, а тот жуткий холод, который почувствовал Андрей, когда вылетел из вагона. На улице был ноябрь, а он был в свитере и в спортивном трико. Пальто, шапка и брюки остались в вагоне. Но самое удивительное заключалось в том, что к нему подошел фатер. Тот самый, из окошечка в визовом центре. — А ты везунчик, кира, — сказал он Демину, когда тот внимательно осматривал ссадины на

локте и левой ноге. — Подфартило фраерку. Еще бы немного, и навернулся бы чердаком о бетонный столбик. Мой кирюха так вот скопытился, когда из зоны отвалил. — Мне всегда везет, — ответил Андрей и вдруг вспомнил, что в поезде осталась не только одежда, но и его пакет с маминой анкетой. — Alles, — проговорил он. — Здорово, тезка, — радостно ответил фатер. — Я тоже Алексей. А вот Алексом меня бабы кличут. Суки, лярвы. Насмотрелись сериалов всяких. Пойдем ко мне в бытовку, у меня полчекушки осталось. Согреешься чуток. Бытовка располагалась совсем недалеко от железной дороги. В ней стояла печка-буржуйка, лежали березовые полешки.

— Вот и все мое хозяйство, — поведал Алексей. — Жена из квартиры выписала судом. Хорошо, кирюха приютил здесь временно. Рабочий он в железнодорожном депо. Давай выпьем, а то ты совсем продрог. Малознакомые добрые люди часто располагают к исповеди. Так вот и наш герой, согревшись и хлебнув водки из горла, рассказал случайному человеку свою подноготную, особенно остановившись, конечно, на событиях последнего дня. Как ни странно, эпизод с карточными мошенниками не произвел на Алексея никакого впечатления. Зато посещение Деминым немецкого консульства его сильно взволновало. — Ты, похоже, киря, совсем ссучился. Как так можно? Эти фашисты твоих родственников в землю живыми закапывали, а ты решил по первому их свистку драпануть в эту их Буржуинию. Сам посуди, ну как ты к их памяти относишься?

— Нет, Алексей, все не так. Фашистов сейчас нет, это просто немцы. Канцлер Шредер, например. Он либерал, демократ. И никогда он на меня наручники не оденет.

— Наденет, киря. Обязательно наденет. Не он — так другой. У нас нет выбора. Ну почему это ты вдруг решил, что существует совсем другой, отличный от этого мир?

Глаза у Алексея заблестели, зрачки увеличились, на лбу выступила испарина. Он снял ватник, подошел к печке, чуть приоткрыл ржавую дверку, подложил в печь несколько березовых полешков. Он молчал минут пять, а когда вновь подошел к Демину, сидящему на матрасе, перед ним стоял уже совсем другой человек. Даже речь его изменилась и, похоже, он полностью перешел с фени на современный русский язык.

— Не бывает хороших стран, тезка. И плохих не бывает. Все страны одинаковы, все люди одинаковы. Это я тебе как историк говорю. Демин посмотрел на бомжа с недоумением.

— Ну да, я историк дипломированный. И кандидат наук к тому же. Более того — имею ученое звание доцента! Не важно, что с кафедры выгнали. Я из этой бытовки всю Россию вижу. Знаешь, как меня ребята в университете прозвали? Тишайший.

Бомж помолчал немного и, развалившись на матрасе, продолжал: — А почему, знаешь? В честь государя. Ведь зовут-то меня Алексей Михайлович, как и великого царя нашего. Это он первый прорубил окно в Европу, а не его сын. Умный был правитель. Не хотел в немецкие камзолы русский народ переодевать, и бороды брить никому бы не повелел, хотя в детстве сам вместе с братишкой в немецких камзолчиках расхаживал! Если б были у него достойные продолжатели! Но не было, увы... Алексей Михайлович хоть и тихий был, но дело свое разумел. Соляной бунт усмирил, церковную реформу провел... А я тебе так скажу, Алексей...

— Да не Алексей я. Андрей.

— Не важно! Хоть горшком назови, только в печку не ставь. Нет для человека на земле хорошего места. И на небе нет. И вселенная нам не родина. Вот умрем мы, и разнесет наш прах по ветру, смешаемся мы с пылью придорожной. Кто уто-

ну, кто сгорел, кто в земле сгнил — не все ли равно? Прах один, ничто, молекула, атом, частица элементарная... Так чего бояться? Один конец и у меня, и у Ельцина. Только он будет на Новодевичьем гнить, а я — во рву каком-нибудь или в колодце канализационном. Одна у нас разница — водки он больше меня выпил. Но у него и денег больше было. Понятно, секретарь обкома партии, а потом и первый враг этой самой партии.

Бомж протянул Андрею свой ватник. — Вот, надевай мой прикид, шапку лыжную, вязаную, и иди вдоль железки. Через полтора километра будет станция Ильино. До города зайцем на электричке доедешь, здесь часа полтора, не больше. А на контроль, будем надеяться, не нарвешься — ты же везунчик по жизни. Через пять минут захмелевший Демин уже шел вдоль железки.

Жизнь продолжалась...

БАРБИ

1

Катя Муравьева никогда не думала о том, что родилась в один год с Барби. Тогда не только в России, но и в Америке никто еще ничего не знал об этой кукле. Чтобы не интриговать читателя понапрасну и не вызывать у него неправильные ассоциации, определимся сразу — ничего общего между любимой куклой американских девочек и ленинградской Катей Муравьевой не было и быть не могло. Совсем ничего, кроме внешнего сходства. Странно, но Катя совсем не была похожей на своих родителей. И папа, и мама были у нее, как принято говорить, избыточной массы тела. Папа был брюнетом, мама — темной шатенкой. Откуда появилась на свет эта длинноногая и длиннорукая голубоглазая блондинка, да еще с нечеловеческой, кукольной красотой? Однажды одна из подруг Инессы Владимировны не совсем удачно пошутила, что возможно, тут не обошлось без скандинавского рыцаря. Но Катина мама была умна и хорошо воспитана, поэтому этот вопрос так и остался без ответа.

Конечно, девочку не сразу стали называть Барби, поскольку не знал тогда еще никто в России до ее тридцати лет, что такое кукла Барби. Но в дальнейшем, когда она недолгое время работала в школе, девочки прозвали ее именно так, и это прозвище пристало к Муравьевой как банный лист, так что никто ее никогда уже там иначе за глаза и не называл, в том числе и учителя — только Барби да Барби. Катя вообще очень мало знала об Америке. Никогда ее особенно не привлекала далекая заокеанская страна, где отвратительные спекулянты в цилиндрах, покурявая дорогие сигары, тупо считают свои доходы, в то время как под мостами ночуют нищие и безработные. Странно и необычно было то, что Катя, в отличие от многих девочек, вовсе не мечтала быть красавицей. Но она мечтала о том, что у нее будет семья и много детей. Словом, это была добрая, отзывчивая советская девочка. Она могла бы стать фотомodelью, да вот только в те времена еще не было такой специальности. И свою кукольную красоту Катя никогда не воспринимала как товар. Она представляла собой то редкое явление, о котором мечтают многие мужчины — сочетание красоты внешней и внутренней. Только вот свои душевные качества она никак не могла так ярко продемонстрировать, как красоту внешнюю — из-за присущей ей скромности, наверное.

Мужчины, в большинстве своем равнодушные к внешней красоте женщин, всегда остерегаются глубоких отношений с красотками, потому что понимают подсознательно — красавицы всегда востребованы и потому у них больше выбора. Другое дело — отношения легкие, поверхностные, как принято говорить, без обязательств. От таких отношений с красавицей откажется только полный лох и

валенок. Но тут кривая линия, причудливая и вкрадчивая, неожиданно замыкалась, потому что Катя как раз и не хотела таких отношений. Более того, такие связи казались ей жалкими, унижительными и недостойными — не только женщины, но и мужчины. Родители ее были коренными петербуржцами. Отец происходил из старинного дворянского рода Муравьевых, мама состояла в дальнем родстве со знаменитым филологом Срезневским. Если бы кто-нибудь в первую половину жизни сказал Александру Васильевичу, что он добровольно покинет родной город, он бы в лучшем случае только улыбнулся в ответ и пожал плечами. И он, и его жена Инесса Владимировна не мыслили себя без ленинградского ампира и барокко, без разводных мостов, музеев и ландшафтных парков. Почти все их родственники и друзья жили в этом городе.

Но мы подчас не знаем ни самих себя, ни то, как сложится наша жизнь в дальнейшем. Защитив докторскую, Александр Васильевич вдруг неожиданно почувствовал, что сильно затормозился в профессиональном плане. Заведующий кафедрой, известный в стране ученый-кораблестроитель, всячески поддерживал научные изыскания Муравьева. Однако однажды Александр Васильевич неожиданно заметил, что заведующий изменил к нему свое отношение. Докторская Муравьева вошла в число достижений заслуженного деятеля науки, повысила его рейтинг как ученого и администратора, а вот дальнейшее развитие молодого профессора уже никак не входило в его планы. Муравьева заставляли писать рабочие программы по новым дисциплинам, дали огромное количество лекционных и семинарских часов. Это, разумеется, не могло понравиться амбициозному ученому и преподавателю.

И вдруг на фоне депрессии и непрекращающейся усталости Александр Васильевич был ошарашен неожиданным предложением возглавить кафедру провинциального вуза. Психологи давно отметили, что одна из самых тяжелых человеческих проблем — проблема выбора. Конечно, профессиональный рост привлекал молодого доктора наук, но с другой стороны, покидать родной город и ехать в провинцию ему явно не хотелось. И все-таки, в конце концов, Муравьев решил на это. Инесса Владимировна первое время и думать не могла о переезде. Но ее воспитали в патриархальной семье, согласно неписаным уставам, которой жена всегда должна следовать за мужем.

Кате на момент переезда было тринадцать лет. После Ленинграда этот город сначала казался ей деревней. Серые уродливые штакетники, унылые дома из красного кирпича, которые в конце прошлого века строил набожный долгобородый купец-старообрядец, и полное отсутствие на улицах иностранных туристов вызывали скуку и раздражение. В городе было всего лишь три театра. Низкое насуспенное небо коптели трубы более чем шестидесяти крупных заводов, два из которых были известны на всю страну. Этот город, казавшийся Кате глубокой провинцией, по своим размерам ненамного уступал любимому Ленинграду, но ни одного позолоченного шпиля там не было.

Кафедральный коллектив понравился Александру Васильевичу, здесь было меньше склок и интриг. За учебный процесс отвечала ленивая толстая женщина, которую интересовало только правильное оформление бумаг. Катю отдали в элитарную школу с углубленным изучением немецкого языка, находящуюся на главной площади города. После уроков она часто шла на набережную, смотрела на широкую Волгу, на памятник знаменитому летчику, и так тоскливо становилось у нее на душе, что хотелось плакать. Вскоре кудрявый и румяный председатель профкома вуза предложил Муравьеву дачный участок на берегу Волги и недвусмысленно намекнул, что рядом собирается строить дачу сам ректор. Александр Васильевич, разумеется, согласился. Интуиция подсказывала ему, что теперь все его жизни будет зависеть от этого маленького лысоватого мужичка, чем-

то похожего на Никиту Хрущева. Нужно было показать всем и каждому, что он такой же, как и этот Хрущев, что он тоже любит огород и рыбалку. Однажды после ученого совета ректор подошел к Муравьеву, улыбнулся и произнес:

— Москва бьет с носка, а Питер бока повытер.

После этого «Хрущев» засмеялся каким-то игрушечным, деланным деревянным смехом. Муравьев не знал, над чем надо смеяться, но почему-то засмеялся так же, как лысый ректор.

— Слушай-ка, Инвлад, — спросил он за ужином жену. — А как ты понимаешь «Питер бока повытер»?

— Не знаю. А кто это сказал? — заинтересовалась Инесса Владимировна и, узнав, что ректор, добавила: — Не нравишься ты ему. Надо нам, пожалуй, забыть о Питере. Одевайся как они, рассказывай не смешные анекдоты про Чапаева и Брежнева... Тогда, может быть, сумеешь замаскироваться... Иначе сожрут они тебя.

И Муравьев послушался жену. Анекдоты про Чапаева не прошли даром — вскоре он стал проректором по науке и на кафедре появлялся не более двух раз в неделю.

2

Странная метаморфоза произошла и с Катей. Она неожиданно полюбила природу. В Ленинграде девочка ее попросту не замечала — да и какая там природа может быть, разве две шустрые рыжие, с подпалинами, белочки промелькнут под соснами в каком-нибудь пригородном Павловске, а так кругом только сереют достоевские каменные колодцы. На даче она услышала неугомонное и нерегламентированное трещание кузнечиков и удивилась, что раньше никогда не сталкивалась с этой загадочной музыкой. С высокого волжского берега открывался непостижимо красивый вид. Пахло новыми, необструганными досками. Потные краснокожие мужики, грубо ругаясь, пилили их двуручными пилами, месили серый цемент и таскали тяжелые белые кирпичи. Строилась дача. Кстати, неожиданно оказалось, что ректора зовут Николай Сергеевич Хренов. Ну, почти как Никита Сергеевич Хрущев.

— Только не называйте его хрущом или хреном, умоляю вас, — просил Муравьев жену и дочь. — Он знает, что его так иногда за глаза величают и сильно сердится.

Кстати, Хренов к ним часто навещался и все вставлял невзначай какую-нибудь прибаутчку. Питер уже не вспоминал, а вот про Нижний балакал частенько.

— Нижний — друг Москве ближний, — сказал он как-то, появившись неожиданно возле калитки. — Нижегороды — не уроды, — мгновенно добавил Муравьев. Дескать, ваш пароль, наш ответ. А вот Барби в это время уже была возле Волги. Стояла первобытная и неумолимая летняя жара, пахло болотным илом и разогретой корой осокоря. Катя скинула летнее ситцевое платье, красное в белый горошек, с наслаждением вошла в тинистую темную воду и поплыла. Никогда в Ленинграде она не плавала так долго! Да и где там плавать! Она доплыла до маленького островка, частично заросшего ивняком, легла на песок и задремала. А когда проснулась, уже начинались летние сумерки. До берега было недалеко, и Барби быстро преодолела это расстояние. А когда вышла на травяной берег, отряхивая с себя воду, почувствовала терпкий запах костра.

У костра сидели деревенские парни. Увидев Катю, они как-то сразу, как по приказу, поднялись и подошли к ней. Барби почувствовала недоброе. Один из них, неприятно шмыгающий носом, резко рванул резинку ее трусов, другой стянул лифчик.

— Да вы что, оборзели, что ли?! — внезапно послышался голос откуда-то сверху.

По крутой тропинке к берегу быстро спускался пожилой рыбак, одетый в неле-

пую брезентовую штормовку. Катя бросилась бежать, поддерживая лопнувшую на животе резинку.

— Не бойся ты их, девчонка! — кричал рыбак. — Не беги, девчонка! Придя домой, Барби аккуратно зашила резинки и дырки в купальнике и два дня не ходила купаться. Родителям она так ничего и не сказала, но этот день вспоминала до конца жизни. Интересно, что бы произошло, если бы не пожилой рыбак? Почему-то этот вопрос не давал ей покоя. А больше всего мучало ее совсем другое: прочувствовала она тогда как-то очень уж глубинно и утробно противоречие между миром болотных трав и водорослей, причудливо крутящихся в воде песчинок, перламутровых ракушек и волжских волн и миром грубых и не всегда понятных людей, которым так всегда хочется проявить свою власть и силу. Однако подспудное очарование живой воды и волшебных болотных трав оказались сильнее липкого девчоночьего страха. Катя не была тревожной. Скорее, она была очень осторожной, мнительной и внушаемой.

Так вот — через три дня Барби проснулась с мыслью о том, что тогда, у костра, сидели обычные деревенские хулиганы и не более того, и что эта встреча, даже если бы и не появился смешной рыбак в брезентовой штормовке, скорей всего окончилась бы порванной резинкой.

В тот знаменательный день, разделивший ее жизнь на две неравных части, она спустилась по узкой тропинке, поросшей по бокам розоватым клевером и желтой сурепкой, к самой Волге, быстро вошла в реку и поплыла к знакомому овальному островку.

В этот день следы костра были и на нем. По-видимому, костер разжигал приплывший на остров рыбак. Тот самый, в нелепой брезентовой штормовке, появление которого спасло Катю три дня назад... Об этом свидетельствовала забытая сломанная белая пластмассовая катушка с тонкой леской и половинка смятого известного молодежного советского журнала, который рыбак использовал, по-видимому, для растопки костра. Лежа на солнце после купанья, Катя стала листать журнал. Повесть о честном инженере, который вывел на чистую воду директора завода, занимающегося приписками, читать было невозможно. Она пролистала стихи какого-то среднеазиатского поэта в русском переводе, но они оставили ее равнодушной. Наконец, в конце журнала, в рубрике «Страницы истории» неожиданно вновь напала на стихи. Стихов было мало, они в основном проходили как выделенные курсивом небольшие цитаты в прозаическом тексте. Стихи принадлежали поэту с длинной еврейской фамилией, фотография которого была опубликована в начале статьи. Эти строки не имели ничего общего с некрасивым лысым стариком с неаккуратной кривой седеющей бородкой и каким-то беспокойным, напряженным взглядом. Стихи его представляли собой нечто такое, чего никогда еще раньше Кате читать не приходилось. Изредка в них, как у Пушкина, встречались сложные слова, связанные с античной мифологией, но эти слова, как ни странно, совсем не выпирали из текста — напротив, были удивительно органичны в нем. А самое главное, текст представлял собой нечто совершенно нерукотворное. Казалось, не мог человек написать ничего подобного. Дело было вовсе не в особых мыслях, которые высказывал поэт, не в каких-то особенных, нечеловеческих чувствах, которые его переполняли, а в том совершенно особом, магическом, колдовском сочетании слов, с которым раньше Катя никогда не сталкивалась.

Эти стихи совершенно околдовали ее. Она хотела взять обрывок журнала с собой, но это означало плыть до берега, работая только одной рукой. Что оставалось делать? Но Барби была все-таки дочерью двух инженеров-кораблестроителей, и очень быстро ей в голову пришла конструкторская мысль. Завтра надо будет надеть соломенную шляпку и взять с собой резиночку. Такую вот обыкновенную резинку от трусов, которую порвал три дня назад деревенский шалопай. Фикси-

рывать журнал резиной поверх шляпы и проплыть эти сорок метров до берега с журналом на голове.

Ночью ее разбудил гром и шум летнего ливня. Она пробуждалась несколько раз и засыпала вновь, а когда проснулась уже утром, то грома не было, зато за окном красовалась стена крупного серебряного дождя.

Дождь уюмонился только к полудню и принес с собой сильное похолодание. Но Барби не боялась холодной воды. Решительной походкой она направилась к берегу, поскользнулась на мокрой глине, неудачно упала, поранив кожу на локте о мелкие острые камешки, но тут же поднялась и продолжала идти. Она была в одном купальнике. Шляпка на голове, перевязанная резиной, выглядела довольно-таки смешно. Однако на островке ее ждало полное разочарование. От островка ничего не осталось, кроме пяти метров мокрого песка. Небольшое скопление ивовых кустов, растущих на его северном, более близком к левому берегу Волги берегу, теперь наполовину стояло в воде. Разбушевавшаяся стихия унесла обрывок журнала вниз по течению реки. Но Катя запомнила фамилию поэта и четыре нерукотворных строки...

«Отчего душа так певуча, / И так мало милых имен, / И мгновенный ритм — только случай, / Неожиданный Аквилон?» Она не знала тогда, что такое Аквилон, но это не имело никакого значения, ну совсем, совсем никакого.

Подплывая к берегу, Барби вновь увидела у костра тех же парней. И почему-то совсем не испугалась. Более того, она почему-то знала, что в этот раз не только все обойдется, но что парни даже не подойдут к ней. Выходя из воды, она повторяла нерукотворные строки как заклинание и как оберег.

Парни внимательно глядели на нее и усмехались. И действительно, на этот раз они даже не подошли к ней. Интересно, о каких таких именах писал поэт? Так мало милых имен. Действительно, мало. Очень мало всего милого, хорошего, но...

Катя чувствовала, что ей не хватает чего-то... Сначала она даже не понимала, чего именно. А потом до нее дошло — на даче не было никакой бумаги. Только книги. Да, вот старая книжка, не книжка даже, а обложка от нее, которую мама кладет между створками кухонной двери, чтобы она не хлопала от внезапного порыва ветра. Стихи Маршака. «Вот какой рассеянный...» Вторая сторона обложки совершенно чистая. Вот бы еще и ручку найти. У мамы в комнате, возле журнала «Огонек», в котором она отгадывает кроссворды. «Приток Днепра», «столица Гондураса», «первая в мире женщина-космонавт», «песня Пахмутовой на стихи Добронравова». Ну это понятно, «Нежность». А вот столица Гондураса? Зачем это нужно знать? Да и название какое-то смешное — Тегусигальпа!

Барби начала безудержно смеяться, и мама испуганно посмотрела на нее. Она знала, что такой беспричинный смех вызывает у Кати странные поступки. Так же иногда смеялся ее муж и его покойная мама. Все Муравьевы странные, странные. Все Муравьевы иногда вдруг начинали так вот беспричинно смеяться. Тетя Шура говорила — не выходи за него, Инка, проблемы будут большие. Кровь голубая — душа темная. В этот день на второй странице обложки детской книжки «Вот какой рассеянный...» Барби написала маминым карандашом свое первое стихотворение. Никто из домашних не узнал об этом.

Александр Васильевич, как и все преподаватели, имел длинный отпуск, однако дела административные не позволяли ему надолго покидать институт. Во время отпуска он еженедельно появлялся на кафедре, встречался с аспирантами и научными сотрудниками, контролировал ремонтные работы в учебных залах и лабораториях. Однажды он вернулся на дачу из города в каком-то особом, игривом настроении.

После обеда, с удовольствием потягиваясь, произнес:

— Девчонки, вы стихи любите? Катя сразу поняла, что именно она — виновник этого торжества. Однако то, что произошло, было на тот момент для нее тайной. Она покраснела и стала напряженно смотреть, как на дне чайной чашки крутятся туда-сюда мелкие чайники.

— Ты же знаешь, я люблю Ахмадуллину, — сказала Инесса Владимировна.

— Ахмадулина? — возразил профессор. — Да это же хренота полная. Воет, воет, как сука в зимнюю ночь, а чего воет — непонятно... Она просто хочет тем самым нам, дурачкам, показать, какая она особенная, сверхчувствительная... Все это вранье, театр! А стихи, я так понимаю, к народу должны быть ближе. Типа, Нижний — ближний и так далее. Слушайте сюда, как в Одессе говорят.

Он вынул из кармана сложенный вчетверо газетный лист и стал читать:

Как всегда, зелена и красива,
Шелковиста, свежа и тиха,
Выползает резная крапива
Из-под серых листов лопуха.

Что за наглая воля к успеху!
Что за сила в зеленой крови!
Только в каждую лезет прореху,
Будто тянется к вечной любви.

— Вы слышите, как написано?! К вечной любви тянется! И это — крапива! А кто знает, знаете? — папа сделал театральную паузу. — Ученица девятого «бэ» класса школы номер сорок Муравьева Екатерина...

— Катя?! — удивилась мама. — И это все напечатали?!

— А ты не знала, что Катюшка стихи пишет? — Знала, — отвечала Инесса Владимировна. — Я читаю ее блокноты, когда она спит. Я и сама в школьные годы писала что-то. Помню...

— Так, может, прочтешь? — улыбнулся профессор.

— Вроде так:

Ты мой принц волшебный из далекой сказки,
Ты мой добрый рыцарь, влезший на коня.

Снова я открою серенькие глазки,

Здравствуй, мой хороший, любишь ли меня?

— Ну, хватит. Я в стихах не очень разбираюсь, но меня вот что обрадовало...

Глядите!

Александр Васильевич вынул из кармана желтый картонный листочек.

— А это что, знаете? Авторский гонорар! На два рубля двадцать копеек! Придешь домой, Катюха, паспорт в зубы — и с этой бумаженцией на почту! А оттуда в магазин, за хлебом и колбасой. За этот стишок, Инвлад, килограмм колбасы купить можно! Килограмм! Дочка наша выросла и вносит уже свой вклад в семейный бюджет! Вот что главное, а не стишки вовсе! Поздравляю, Катерина! Я тобой горжусь. Газетку мне наша лаборантка Наталья Геннадьевна всучила. Я говорю — может, это не она вовсе? А она мне — читайте, школа, класс, все совпадает! Да и сразу понятно — девочка умная, талантливая...

Этот маленький картонный листочек поставил все на свои места. В глазах родителей Катя выросла — она занималась вовсе не галиматьей, а заработком.

Однако через месяц с небольшим, когда наступил последний в жизни Кати учебный год и нужно было думать о репетиторах, родители запретили ей даже мечтать об историко-филологическом факультете. За это время Катю напечатали в газете еще только дважды.

— Ты, голубушка, стихами пока только семь рублей заработала, — сказал профессор. — Маловато будет. Как небольшой приработок это не помешает. Но в нашей стране гуманитарием быть нельзя. Идеология! Сегодня вроде вольнее стало, а потом опять, не дай Бог, начнут снова гайки закручивать. В России свободы никакой никогда не будет, и не мечтайте, девочки. Не та страна. Не те у нас корни, не та история. За стихок у нас могут не только срок впаять, но и девять грамм не пожалеют. Крикнут однажды: Муравьева, на выход. Без вещей! Отведут в подвал — и к стенке. Так что иди-ка ты лучше по нашей линии.

Кате математика давалась невероятно легко. Но технику она не любила. Ее стихией была речная волна и велеречивые водоросли, кривые мальки возле берега, шершавые камыши, белые лилии и желтые кувшинки. Недолго думая, она выбрала биологию, и родители не стали ей препятствовать. Они мечтали видеть Катюшу непременно доктором наук, а уж каких именно, не так важно.

Будучи золотой медалисткой, Барби сдавала в университет только один экзамен. Получив свою пятерку (а других отметок у нее никогда не было, разве только по физкультуре в третьем классе она однажды получила четверку за «кувырок»), Муравьева Екатерина Александровна была зачислена в число студентов.

На первом же курсе Барби стала активно заниматься в кружке на кафедре физиологии и биохимии животных. Умная, аккуратная и смышленная студентка быстро овладела экспериментом, ловко отрезала кривыми маникюрными ножницами головки белым лабораторным мышам, гоняла их в открытом поле и крестообразном лабиринте, сама заливала в парафин кусочки мышинных органов, резала их, красила, изучала под микроскопом.

В свободное от учебы и научных экспериментов время она читала книги и писала стихи. Толстый и румяный журналист, завотделом культуры молодежной газеты, человек удивительно добродушный и располагающий к себе, особенно любил Катюше творчество. Он давал ей читать книги по стихосложению, рекомендовал новых интересных авторов.

— Какая ты талантливая, Катюша, — часто повторял он. — Никак только понять не могу, как можно такими нежными ручками отрезать головы живым существам. Я бы не смог.

А вот Катя могла. И это качество сыграло важнейшую роль в ее жизни. В отношениях с людьми Барби очень везло. Местная писательская организация с очень непростыми творческими людьми, ее населяющими, сразу же приняла Катю в свой круг. А такое бывает крайне редко. По-видимому, открытость девушки очаровывала окружающих. Она каждую неделю выступала с чтением своих стихов по линии бюро пропаганды художественной литературы и получала за это небольшие деньги.

4

Александр Васильевич умер внезапно. Это потрясло не только близких людей, но и его коллег, поскольку все произошло на кафедре, в рабочем кабинете. Смерти предшествовал звонок из ректората. О чем шла речь в разговоре с проректором по учебной работе, никто не знал. Вряд ли о чем-то совершенно секретном. Как бы то ни было, а у Александра Васильевича была ишемическая болезнь сердца — именно она, а не какой-то там звонок, была причиной его внезапной смерти.

С уходом из жизни отца дача больше не расширялась. С каждым годом дом все больше и больше ветшал, старое крылечко сгнило, лестница покосилась, крыша покрылась мхом. Мама не была хорошей хозяйкой, а Барби — тем более. Однако летнее время они проводили исключительно там.

В эти годы все как-то хорошо складывалось у Кати. Ее научный руководитель

неожиданно устроился заведомом в ЦНИЛ медицинского института и взял ско-ре Барби к себе на должность младшего научного сотрудника. Это был очень та-лантливый и начитанный ученый, настоящий профессионал. Под его руковод-ством Барби быстро защитила диссертацию и стала в двадцать шесть лет кандида-том наук.

Так совпало, что именно в день ее защиты хоронили самого, казалось бы, не-значительного из всех правителей России. В этот мартовский день Барби сидела на скамейке в небольшом скверике возле университета Дружбы народов на юго-западе Москвы, и ей казалось, что начинается новая, яркая, необычная жизнь.

В этот год все было по-другому, не как всегда. И весна была необычной, по-особому бурной. И человек, возглавивший страну, был так не похож на своих пред-шественников — склерозных, унылых стариков, одетых в одинаковые темно-се-рые пиджаки. Кате так нравился этот человек — его мягкий южнорусский ак-цент, речи без бумажек, а также хорошо одетая красивая женщина, которая не-изменно сопровождала его во всех поездках. Инесса Владимировна тоже любила этого человека. Да и покойный Александр Васильевич, казалось, переворачивал-ся в гробу, когда выступал этот лидер с родимым пятном на лбу — профессор как раз был сторонником плюрализма и демократии в большей степени, чем все пере-стройщики всех времен и народов; жалко только, что он не дожил до этого време-ни. Эдуард Александрович, научный руководитель Барби, тоже поначалу восхи-щался изменениями, происходящими в государстве.

Свое тридцатилетие Барби встретила в Москве. Местная писательская органи-зация делегировала ее на девятое Всесоюзное совещание молодых писателей. Юные и не слишком юные сочинители жили в районе Химок в уютной гостинице, их произведения разбирали и анализировали мэтры советской литературы. Обсуж-дение стихов Екатерины Муравьевой прошло на ура, и совещание рекомендовало ее рукопись к изданию, и не где-нибудь, а в столичном издательстве «Молодая гвардия».

С чувством особой гордости от победы покидала Барби столицу. Но, смотря из окна поезда, как мелькают за окном придорожные столбы и перелески, никак не могла представить себе, что никаких всесоюзных совещаний больше никогда не будет. Не могла предвидеть она и того, что и книг никаких у нее никогда-никогда не будет, да и саму редакцию закроют... Да что редакция, мелочь-то какая! Само-го государства, в котором она родилась, не будет уже через два года!

Конечно, Катя сильно переживала из-за того, что издание ее книги сорвалось. И не только потому, что всегда мечтала увидеть свое имя на обложке, набранное типографским шрифтом. Ей хотелось еще и получить какие-то, пусть и неболь-шие, деньги за свой каждодневный труд. Однако коренным образом изменившая-ся реальность всячески говорила ей о том, что писание стихов — не профессия.

— Ну, Бог с ними, со стихами — успокаивала дочку Инесса Владимировна. — Ведь у тебя работа есть, лаборатория. Вот многие мои подруги, инженеры, вообще теперь без работы остались. Тряпками на рынках торгуют.

Барби понимала, что мама права. А тут еще и Эдуард Александрович резко из-менился. Преданный науке человек, совершенно далекий в прошлом от какой бы то ни было политики, неожиданно стал резким противником народившегося об-щественного строя. Однажды он сказал, что уезжает в Москву — защищать пос-ледний русский парламент. Барби совершенно не понимала, что хочет делать в Москве Эдуард Александрович, и как он, совершенно штатский человек, умею-щий убивать только беззащитных белых лабораторных мышей, будет защищать с оружием в руках семидесятилетние завоевания социализма.

К счастью, ученый не погиб в кровавом месиве, когда танки российских нуво-ри расстреливали Белый дом. На московских баррикадах он проявил стой-

кость и несвоевременное интеллектуальное мужество, получил небольшое огнестрельное ранение в кисть левой руки. А когда вернулся домой, на его месте уже работал другой человек.

— К сожалению, пока вам придется уйти, Эдуард Александрович, — сказал ему директор ЦНИЛа, нервно тыкая пальцем в клавиатуру новенького, неизвестного тогда еще многим россиянам, только появившегося компьютера. — Поймите, у меня нет выхода. Звонили серьезные люди... Ну, вы понимаете, откуда... А вам я советую — возвращайтесь в науку. Вы же ученый, а не альпийский стрелок... Так что, уважаемый Вильгельм Телль, пишите по собственному желанию.

Когда директор подписал заявление, он снял старомодные очки в роговой оправе, протер их клетчатым нечистым носовым платком и тихо произнес:

— Через полгода все утрясется, кончится вся эта демократия. Тогда и приходите. Найдем для вас место.

На следующий день уволили и Барби — по сокращению штатов. Она бросилась в университет, где ее помнили как отличницу и активистку. Взяли работать в лабораторию, и опять на должность мэнэса. А через два года лабораторию закрыли. Тогда Катя пошла в школу — преподавать биологию. Там, кстати, как мы уже писали, и приклеилась к ней скорее уважительная, чем унижительная кликуха «Барби». Но работать в школе оказалось сложнее всего. Дети не слушались Муравьеву, плевали в нее из ручек жеваными бумажками. Правда, были и хорошие ученики, и нормальные, адекватные родители, с которыми Кате удалось подружиться.

Личная жизнь у нее не складывалась. Наверное, потому, что Катя очень любила своего папу и считала, что все мужчины должны быть похожи на него. Покойный профессор Муравьев, действительно, во многом мог бы быть примером для подражания. Он не пил, не курил, любил свою работу, но в то же время и трудоголиком не был, у него оставалось время и на семью, и на чтение, и на ту же дачу. Никогда он не был замечен в любовных связях на стороне. Возможно, Александр Васильевич просто умело скрывал такие отношения. Но ведь мы тоже ничего не знаем об этом. А как говорится, не пойман — не вор. А таких мужчин возле себя Барби никогда не видела. Ей очень нравился Эдуард Александрович, ее научный руководитель, но он был воспитан иначе. Ученый откровенно презирал женщин, к любовным связям относился очень легко и жениться не собирался.

Во время работы в школе Катя стала замечать, что с мамой творится неладное. Она не просто стала очень обидчивой, а начала распространять небылицы о том, что соседи читают ее письма, воруют книги из библиотеки отца (как будто книжки по кораблестроению были кому-то нужны, кроме специалистов!), подключают к электросчетчику какие-то особые невидимые приборы, в результате чего Муравьевым приходится платить за свет, как говорится, за себя и за того парня. Какие-то махинации вечно происходили и на даче. Конечно, ушлый председатель ТСЖ действительно был вором, и все знали об этом, но слишком уж фантастичны были подчас слова Инессы Владимировны. Кстати (и это закон парных случаев!), у нее тоже не все в порядке было с сердцем, и лечила ее та же врачиха, что и покойного отца. Однажды, услышав очередные жалобы во время приема, связанные с тем, что медсестры каждый день воруют еду из тумбочки, врачиха-кардиолог назначила консультацию психиатра. Седовласый психиатр через пять минут общения с Инессой Владимировной узнал в ней «своего» больного, выписал соответствующее лечение, от которого состояние сердца пациентки неожиданно ухудшилось, причем настолько, что женщину перевели в реанимацию.

Там Инессе Владимировне стало совсем невмоготу. Она стала заявлять, что ее готовят к космическому полету и собираются отправить на Марс, поэтому и подключили к ней всякие трубочки. Она угрожала врачам и медсестрам, что покон-

чит с собой, если они повезут ее на космодром. И однажды ночью выпила всю упаковку таблеток, назначенных психиатром.

Хоронили ее из морга.

Барби долго не могла прийти в себя после смерти мамы, моталась целыми днями по опустевшей квартире. Но жизнь, как говорится, полосатая. Через полтора месяца, а точнее, как раз на сороковой день после смерти Инессы Владимировны, произошли два радостных события. Во-первых, в ее жизнь вернулся Эдуард Александрович, который теперь стал заведующим нейробиологии ЦНИИа и взял Катю к себе — опять на должность мэнэса, но уже якобы с перспективой карьерного роста. Эдуард Александрович позвонил какой-то возбужденный, долго говорил о докторской, о перспективных исследованиях. Барби не слишком верила ему, но работа в ЦНИИе, разумеется, была куда интереснее для нее, чем в школе.

А во-вторых, в ее жизни появился Патрик. Нет-нет, это был вовсе не молодой человек, как, возможно, подумал читатель, а еще возможнее, читательница. Это была собачка породы русский тойтерьер. Почти все свое время, кроме сочинения стихов, отдавала Барби этому щенку. И вскоре Патрик стал для нее самым любимым существом на свете.

5

Как-то очень рано осознала Аня Лепешкина, что главное на свете — деньги. В семье, где она родилась, денег никогда не было. Папа у нее был человек одаренный как в художественном, так и в техническом отношении, что бывает крайне редко. Он преподавал в школе черчение и рисование и вел кружок авиамоделлистов во Дворце пионеров. Мама была медсестрой в поликлинике. Аня стала четвертым ребенком в семье. Папа считал (и не без оснований!), что она — не его дочь, и относился к ней холодно и недружелюбно. Крайне замкнутый и чувствительный, он, как ни странно, очень любил работу в школе и только с детьми мог общаться без напряжения. Мама же, наоборот, была очень общительной и любвеобильной. Детей своих она не очень любила — поликлинические хирурги были ей интереснее, и любовь в процедурном кабинете представляла чуть ли не самый большой интерес ее жизни. Как большинство эмоциональных людей, Наталья Сергеевна не была расчетлива и не умела продавать свою любвеобильность, поэтому врачи пользовались ею на халяву. Понятно, что халявность эта была обсуждаема и осуждаема на районном уровне, и предмет обсуждения быстро стал достоянием обитателей районного центра, и, в том числе, замкнутого и недоброго учителя. Не отказала она однажды и своему двоюродному брату, когда он неожиданно зашел к ней в гости в нетрезвом состоянии. В результате и появилась Аня — как сейчас бы сказали, плод инцеста. Первое, на что обратили внимание врачи при ее рождении — огромные красные глаза. «Ну и страшилище!» — произнесла принимающая роды врачиха. «Упырь какой-то, а не девочка!» — согласилась акушерка.

Но вот парадокс: страшной была Аня только в грудном возрасте. Как только ей исполнился год, и она перестала сосать молоко, семья Лепешкиных неожиданно для себя обрела светловолосого ангела. Белые тонкие волосы с примесью голубизны напоминали что-то искусственное, а полное отсутствие ресниц делало ее похожей на куклу. Ногти у ребенка полностью отсутствовали, на руках было по шесть, а на ногах — по восемь пальцев. Сказочная, ненатуральная красота лица девочки многих пугала и отталкивала.

Уже в три года Аня совершила странный поступок. Она набросилась на почтальона, который принес заказное письмо, и искусала его до крови.

В детском саду Лепешкина постоянно дралась, делала мелкие гадости, плевала в лицо воспитательницам, кидала в суп подругам битое стекло. Девочка учи-

лась плохо, хотя способности у нее были. Она не понимала, зачем нужно овладеть теми или иными знаниями, поскольку знания не делали людей богаче и успешнее. Когда Аня жила в государстве, где моральные качества считались неизменной ценностью, и демонстрация безнравственности осуждалась, она искусно прятала от людей свой аморализм и презрение к человечеству. Когда же притворяться уже не требовалось и каждый, согласно предложению президента, взял себе суверенитета сколько может, карьера девушки пошла круто вверх. Одно время она даже была заместителем главы органа местного самоуправления, но не продержалась долго — дорогу перекрыли более сильные соперники. В юности она специализировалась на богатых мужчинах. Внешние данные фотомодели способствовали этому. Работала секретаршей и делопроизводителем в коммерческих структурах, плела интриги, сталкивала людей лбами. Окончив курсы бухгалтеров, подвизалась на ниве списывания средств на липовые счета, стала фигуранткой уголовного дела, которое закрыл «за отсутствием состава преступления» один из ее состоятельных папиков, старший советник юстиции. На пятом десятке она вдруг неожиданно осознала, что мужчины перестали клеветать на ее внешние данные и та самая валюта, которой она расплачивалась со своих восемнадцати лет, вдруг оказалась не обеспеченной золотым запасом. Теперь приходилось зарабатывать на жизнь головой. Однажды, сидя в социальных сетях, Аня увидела женщину, удивительно похожую на нее. Женщину звали Татьяной, она жила в том же областном городе, что и Барби, и была одинокой. Как и многие одинокие женщины, Татьяна мечтала познакомиться с мужчиной в целях создания семьи. В голове у Ани мгновенно возник план. А она была очень легка на подъем. И если какая-нибудь мысль овладевала ею, то она уже не могла противиться этой мысли, ей нужно было срочно реализовывать свой план. Она затеяла переписку с Татьяной, сославшись на одиночество. В переписке она всячески подстраивалась под свою собеседницу, всячески ругала мужчин, которые стали ни на что не способны и уже не могут выполнять роль молчащей и ничего не требующей каменной стены, служащей только для того, чтобы охранять таких вот, как они, нежных, похожих на стройных ланей, красоток от свинцовых мерзостей жизни, как говорил известный всем писатель.

Татьяна держала собаку и обожала ее. Эта тема тоже сблизила сорокалетних женщин. Вскоре они стали встречаться и гулять с собаками. Частенько Аня бывала у нее в гостях, предвзвешенно надев на руки замшевые перчатки (в рукав для второго пальца у нее убиралось два), чтобы не оставить лишних отпечатков на предметах. Узнав, что Татьяна уходит в отпуск в конце июня, Лепешкина пригласила ее в лес на пикник. Там, на берегу узкой речонки, она угостила подругу чаем из термоса, в котором было растворено двадцать таблеток тавегила. Когда женщина уснула, Аня уверенным движением проткнула ей сонную артерию, положила труп в заранее приготовленный целлофановый пакет, набитый камнями, вынула из багажника саперную лопатку и закопала подругу в прибрежном ивняке. В машине оставалась сумочка Татьяны с ключами от квартиры, которую Лепешкина успешно продала уже через две недели. Все это время она жила в Таниной квартире, ходила в ее одежде и лихо предьявляла ее документы как свои собственные. Татьяна Алексеевна была аккуратна — паспорт, документы о собственности, страховые и медицинские полисы лежали у нее в одной старенькой резной китайской шкатулочке, сделанной из красного дерева с включением перламутра. Эта шкатулочка досталась ей еще от бабушки. Мы уже отмечали, что женщины были настолько похожи, что отличить их могли бы только очень близкие люди. Но таковых у Татьяны, к сожалению, уже не было — все ушли в мир иной.

Когда Татьяна Алексеевна не пришла на работу, а это случилось только двадцать шестого августа, через полтора месяца после ее убийства, был объявлен фе-

деральный розыск. Соседи говорили, что встречали ее в лифте и на лестнице вплоть до конца июля. А когда дознаватели из следственных органов показали фотографии Татьяны нынешним владельцам квартиры, то все они в один голос подтвердили, что именно эта женщина и продала им свою недвижимость. Документы были оформлены настолько правильно, что ни к чему придаться было нельзя — Аня научилась и подписываться как Татьяна, образцом для чего послужил ее паспорт. Конечно, покупателей заподозрили прежде всего. Но опытная дознавательница, прирожденный психолог и профессионал, сразу же убедила своего начальника в том, что они здесь ни при чем и что суть истории — запланированные действия третьего лица, которое и уничтожило Татьяну Алексеевну, забрав у нее деньги за проданную квартиру. Странно, что никто из покупателей не заметил шестипалых кистей Лепешкиной. По-видимому, люди были напряжены и так озабочены предстоящей дорогой покупкой, что внимательнее осматривали квартиру, чем ладони продавца.

6

«Здравствуйте! Мне понравилось Ваше фото, а еще больше — фотография вашей собачки. Чем вы ее кормите?»

Такое сообщение получила однажды вечером Барби на сайте «Фотострана». Сообщение написала красивая девушка с именем Русалочка. Началась переписка. Когда они встретились, Катя совершенно не удивилась тому, что Русалочка совершенно не была похожа на свою аватарку и что это была вовсе не молодая девушка, а ее ровесница, которой было, если верить, тридцать восемь лет. Оказалось, что ее звали Милана, и она больше всего на свете любила собак.

Они прогулялись в скверике возле памятника жертвам первой русской революции. Было тепло, и все лавочки были усеяны отдыхающими пенсионерами. Милана, однако, жаловалась на холод, говорила о том, что плохо оделась из-за внезапного потепления, всячески намекала на то, что не отказалась бы попить горячего чая.

— Мы бы могли в кафе сходить, — сказала Барби, — но Патрика туда не пустят.

— Вы что, я не хожу в кафе, — напряженно ответила Милана. — Да и в чай могут подмешать черт знает что...

В этот день Аня как-то плохо себя чувствовала, она поняла, что ее несет не в ту сторону. Умная женщина понимала, что Катя не такая открытая и доверчивая, как Татьяна, и что здесь нужна более тонкая работа.

После не совсем удачной прогулки чуткая Барби почувствовала нездоровый интерес к себе со стороны этой женщины. Аня же настойчиво продолжала работу. Вскоре она узнала о Барби все — прочитала ее стихи и прозу, размещенные на всевозможных сайтах, прогулялась, используя гугл-карты, по территории ее дачи, даже несколько научных статей Муравьевой нашла и не поленилась перевести их с английского через электронный переводчик.

При всем своем аналитическом уме и внимании к деталям Аня была, однако, достаточно груба. Под видом того, что достала какой-то импортный и редкий корм для Патрика, она выманила однажды Барби на улицу. Долговязый сосед Леша, сантехник и электрик по совместительству, стоял рядом Аней, обнимал ее и лужгал при этом семечки.

Катя не обратила никакого внимания на долговязого дебила. А ведь присутствие его должно было сыграть, по мнению Ани, большую роль в ее программе — она должна была доказать Барби, что не является лесбиянкой и, стало быть, не представляет опасности на предмет приглашения ее в гости.

Чем больше упиралась Катя, тем сильнее озлоблялась Лепешкина. Такой уж характер был у нее — неприятности ее только подстегивали, и чем сильнее поднималась волна, тем сильнее ей хотелось спорить и бороться с неуправляемой стихией.

Каждый день Аня со сладострастием входила в интернет и смотрела на портрет Татьяны на сайте областного МВД. «Ищите, суки, ищите, — шептала она, потирая одну шестигалую кисть о другую. — Все равно никогда не найдете».

Она придумывала то один подход к Барби, то другой, однажды даже решила выдать себя за стихослагательницу и уже скачала чье-то графоманское творение на сайте «Стихи.ру», дабы представить ей за свое собственное и спросить у нее мнение по поводу этого шедевра. Но вдруг увидела в «Фотостране» неожиданное сообщение: «Здравствуйте, Милана. Я не знаю, что Вы хотите от меня. Но я вижу, что Вы вовсе не любите собак и преследуете какие-то свои, непонятные мне цели. Я не хочу больше общаться с Вами и на Ваши звонки и сообщения отвечать не буду».

Тогда Аня решила затаиться. Она отправила Барби в черный список на «Фотостране», чтобы полностью замаять следы переписки. Полтора месяца следила она за ней и тщательно собирала информацию. Катя, к сожалению, была соседкой. В девятом часу утра выходила из подъезда и шла через двор на автобусную остановку. Этот путь составлял не более тридцати метров. Маршрутка везла ее по одной из самых оживленных улиц города, переполненных машинами и общественным транспортом, до шумной площади, обогнув которую, ехала по огромному проспекту. Выйдя из маршрутки, Катя почти сразу же подходила к зданию медицинского института, на первом этаже которого и находилась ЦНИЛ. Она заканчивала работу около пяти часов вечера и ехала домой, как правило, тем же путем, никуда не заезжая. Лишь один раз за полтора месяца она вышла из дома чуть раньше и, перейдя улицу, в течение двадцати минут шла дворами до стоматологической клиники, где провела около часа. В выходные дни иногда выходила в магазин неподалеку. Она никогда нигде не гуляла.

Аня прекрасно понимала, как трудно человеку бывает найти своего двойника. Ей невероятно повезло с Татьяной. А теперь вот еще и Катя появилась. Возможно, это последняя удача в ее жизни. Неужели упускать ее? Действительно, когда пропадет Катя, следственный комитет и прокуратура начнут чесаться. Сразу же вспомнят дело Татьяны. Возможно, придется скрываться на время из города. Надо ковать это железо, пока горячо. А потом придумывать другие каналы для заработка.

Лето выдалось невероятно холодным и дождливым. Но Барби все равно поехала на дачу. С каждым годом жить там становилось все страшнее и страшнее. Второй год как протекала крыша, и Кате приходилось подставлять под нее маленький эмалированный тазик с проржавевшей причудливой дырочкой на боку, тот самый тазик, в котором она когда-то купала пластмассовых баранчиков — белого, розового и оранжевого, у которых были деформированы ножки, потому что она их постоянно грызла, будучи очень маленькой девочкой.

Ночью ей приснился страшный сон. Снилось ей, что она идет по глинистому склону к Волге, по той самой дорожке, по которой ходила с отроческих лет, и чувствует, что ноги ее тонут в земле. Барби не понимала, почему не привычная жесткая земляная дорожка у нее под ногами, а страшное чавкающее болото. А между тем разверзнувшаяся трясина нагло, настойчиво увлекала ее в свое лоно, и понимала Катя, что никогда ей уже не вырваться на свободу, что все равно это чавкаю-

щее месиво рано или поздно поглотит ее. И вот она уже по пояс в тراسине, вот уже по шею. И вдруг лягушка, зеленая жирная лягушка выскочила из кустов и стала ее душить своей жуткой лапой... Она запомнила черные обескураженные глаза у себя над головой, запомнила какое-то странное кваканье, которое вдруг издала эта лягушка: дикий, утробный, пугающий звук, за которым был конец, бездна.

Проснулась она с неприятным чувством и сразу вспомнила Милану. До чего же неприятная женщина. Что она хотела от нее? В какую авантюру пыталась ее втянуть? Барби никогда не ощущала себя жертвой. Она не могла быть жертвой обмена хотя бы потому, что была умна по самой своей природе. Она не была практичной — не умела починить крышу или канализацию, врезать замок в дверь, скротить юбку, не знала, в каком магазине меньше стоит молоко и какие скидки распространяются на те или иные товары. Но она была умной и понимала людей, чувствовала их. Кроме того, она была очень осторожна. Как хотела Аня переступить порог ее квартиры, оценить плотоядным взглядом, чем ей придется овладеть — нет, так и не получилось у нее это!

Утром накрапывал мелкий дождь, и Барби не пошла купаться. Сначала она работала над стихотворением, потом вскрыла рыбные консервы и поставила чайник. В отличие от покойной мамы, Катя не любила готовить. Домашние и хозяйственные дела казались ей унылой обузой. В квартире она предпочитала убираться не чаще, чем раз в месяц, и всегда это делала с большой неохотой. Вскрытые консервные банки бросала в большой черный мешок для мусора, который выкидывала в контейнер за день до отъезда с дачи.

Съев очередную банку сардин с овсяным печеньем, Барби бросила ложку сухоочая в черную от постоянного употребления чашку с отколотой ручкой и изображением всем известного медного всадника с надписью «енингоа» — именно это осталось от золотистых букв слова «Ленинград». Две буквы исчезли совсем, а от одной печально отвалилась палочка.

Но не только палочка от несчастной буквы «р» отвалилась на этой даче. Здесь отваливалось практически все. Ступеньки крыльца сгнили и стали покрываться лишайником, крыжовник уже третий год был усыпан, как тальком, мучнистой росой. Барби ленилась собирать ягоды, не видела в этом смысла. Она по-прежнему не любила людей, но очень хотела и очень любила жить.

Убедившись, что дождь прошел, Катя надела купальник и пошла к Волге. Холодная вода не пугала ее. Будучи холоднокровной, она совсем не замечала этого неудобства. Узкую тропинку размочил дождь. Но она вовсе не упала сегодня. Подойдя к реке, смело вошла в воду и погрузилась в нее.

Катя могла плавать часами. Но на этот раз что-то помешало ей заплыть далеко, и она поплыла к своему любимому островку. Выйдя из воды, она почувствовала, что там кто-то есть. И когда из кустов ивняка показалась Милана (а именно так Аня однажды представилась Кате), то Барби совершенно не удивилась. Именно сейчас и произойдет то, ради чего эта женщина так набивалась к ней в друзья!

Аня стояла на песке и цинично улыбалась. В руке у нее была большая металлическая кувалда. Лепешкина несколько лет занималась восточными единоборствами, и справиться с вялой, неспортивной, умеющей только плавать Катей ей ничего не стоило. Она мгновенно сбила ее с ног и начала душить цепкими шестипальными лапами.

Но в этот момент у Лепешкиной начался приступ непонятной болезни, которую она знала за собой и никогда не лечила. Заключалась эта болезнь в том, что внезапно (а это бывало очень редко!) у нее сводило левую ногу, и она ощущала резкую боль в голени и стопе. Приступ сильной боли продолжался всегда не более двух минут. Но случилось именно так, что он возник в тот самый момент, когда она готовилась ударить Барби по голове металлической кувалдой.

Катя воспользовалась минутной слабостью соперницы, перевалила ее на спину и, подняв с мокрого песка выпавшую кувалду, с силой ударила Лепешкину этой кувалдой по голове.

Аня истошно закричала, и Барби увидела, как тоненькая алая струйка крови выползает из ее левого уха.

А потом она еще раз ударила Аню, и уже по лбу. В этот момент Барби как раз и услышала то самое кваканье, которое приснилось ей этой ночью, и неожиданно для себя вспомнила огромную лягушку. Но квакающий звук издала вовсе не Аня. Лепешкина была уже мертва — звук издал ее треснувший череп. И тогда Барби увидела совсем другую, густую, темную кровь, которая вытекала уже откуда-то снизу. Эта темная, вязкая, какая-то нечеловеческая кровь быстро впитывалась в мокрый песок. Но всего отвратительнее были руки Лепешкиной. Кривые, цепкие пальцы, казалось, еще нащупывали шею Барби, какая-то судорога еще проходила по мертвому телу. А когда Катя вдруг увидела шестипалые красные веснушчатые кисти Ани, ее резко затошнило, и она побежала в ивняк.

Почему она не могла сделать это на берегу? Наверное, в самом акте рвоты есть что-то интимное, как в любовном соитии. Барби изрыгала из себя еще непереваренные кусочки овсяного печенья и рыбных консервов, и эти кусочки, желтые от желчи, летели на длинные темные ивовые листочки с серебряным исподом, и Катя думала о том, что случилось что-то жуткое. Это жуткое, непоправимое и невероятное разделило теперь всю ее жизнь на две части — то, что было до этого, и то, что будет потом.

Именно тогда, глядя на кусочки консервных сардин и причудливо разбросанные на мокром речном песке серебристые и темно-зеленые листочки, в зависимости от того, какой стороной они лежали на земле, ощутила Барби непоправимость происшедшего.

Она убила человека, и ей теперь суждено было жить с этим грузом. И тут она неожиданно вспомнила покойного папу, его слова по поводу расправы нашего государства над поэтами — самыми, казалось бы, неопасными и беззащитными людьми: «За стишок у нас могут не только срок впаять, но и девять грамм не пожалеют». Это за стишок девять грамм! А за убийство? За настоящее убийство что сделаешь? Пойди, докажи теперь, что это Милана на нее с кувалдой набросилась!

Катя с диким визгом прыгнула в воду, нырнула, открыла глаза в воде и тут же с ужасом вынырнула. Вышла на берег, легла на песок и стала дрожать мелкой дрожью. Такого жуткого страха она не испытывала никогда в жизни. И почему здесь, почему это произошло именно здесь, на ее любимом островке, где она впервые почувствовала силу и первозданность поэтического слова? Что это за место такое, этот безымянный островок рядом с правым крутым берегом Волги? Вон тот остров, который впереди — большой, длинный, с глинистым склоном, расположенный почти посередине Волги, — хотя бы имеет имя Теплый. Не самое удачное, конечно, название, но оно есть, и даже на карте Барби это название видела. А этот островок? Кто его знает, кому он нужен? Но почему именно здесь происходят самые главные и роковые события в ее жизни?

Барби хоть и писала стихи, но все же была еще и ученым по совместительству. Причем логика у нее всегда преобладала над эмоциями. «Интересно, — подумала она, — а как Милана оказалась на острове? Неужели приплыла с кувалдой в руках?»

На трупе были красивые джинсы с брендовыми дырками, желтый свитерок, новые кроссовки, желтые детские носки с изображением смешных колобков. В таких носках надо сидеть в песочнице и лепить из песка пирожные, играть в дочки-матери, а не убивать людей.

Барби направилась в сторону ивняка, вошла по колено в воду, чтобы обойти

островков со стороны ивовых кустов, и увидела привязанную к иве двухместную резиновую лодку с веслами. На дне лодки лежал оранжевый чехол с надписью «Ока», грязная брезентовая штормовка с капюшоном и саперная лопатка. «А зачем ей нужна лопатка? — подумала Барби. — А, понятно, она хотела меня ей закопать...» И вдруг элементарная мысль пронзила мозг Кати. Так теперь ясно, что надо делать: скорее рыть яму и закапывать Милану в песок, пока труп не обнаружили рыбаки.

Барби неслышанно повезло с погодой — как мы писали, день был на редкость для июля пасмурный, холодный и дождливый. Лепешкина давно уже жила в палатке, стоящем на большом длинном острове, находящемся на середине Волги, и следила за Катей, облачившись в брезентовую штормовку с капюшоном. Издалека она казалась одиночным рыбаком. В такую погоду как сегодня на Волге не было ни одной лодки — все рыбаки сидели по домам.

Катя вытащила лопатку и стала рыть яму рядом с Лепешкиной. Но это оказалось непросто. За полчаса удалось углубиться сантиметров на двадцать. И тогда более простая мысль пришла ей в голову. Она сбегала за чехлом от лодки, засунула в него Анино тело. Аня была стройной, спортивной женщиной и весила всего пятьдесят килограмм. Кате пришлось вытащить лодку на берег полностью, чтобы положить в нее труп. С большим трудом она сумела оттащить лодку к воде с таким тяжелым грузом. Положив в чехол кувалду и десяток крупных прибрежных камней, Катя с усилием застегнула его на молнию — шестипалая веснушчатая кисть Лепешкиной никак не желала уместиться в чехле, настойчиво вылезала из него, и Барби захотелось отпилить ее, сломать, сделать все что угодно, только бы этот ненавистный чехол застегнулся. Лихорадочно работая веслами, Катя поплыла в сторону большого длинного острова, находящегося посреди Волги, где стояла Анина палатка.

Однако вытащить чехол из лодки она не смогла — ей попросту не хватило сил. Одно дело было волоком тащить труп в лодке по мокрому песку на веревке, а другое — приподнять его и бросить в воду. Тогда решительным движением Барби открыла сначала один, а потом другой клапан. Лодка зашипела — из нее стал выходить воздух. Барби сначала утопила одно весло, потом другое, пустила по течению две лакированные бордовые дощечки сидений. Но ей вдруг не понравилось, что сиденья не утонули, а поплыли по поверхности реки. Эти лакированные дощечки могли привлечь внимание рыбаков и заставить их подумать о перевернувшейся лодке — ведь это не случайные деревяшки, плывущие по Волге! Тогда она решительно прыгнула в воду с лодки, поймала дощечки и прижала их к себе.

Наконец чехол с убитой Аней, кувалдой и камнями вместе с лодкой стал погружаться в воду. Но в лодке оставалось достаточно воздуха, и утонуть она не могла. Тогда Барби вытянула частично сдувшуюся лодку из-под чехла, и чехол медленно пошел ко дну. А Катя, опираясь левой рукой на две дощечки сидений, а правой на сдутую лодку, медленно поплыла к своему любимому островку, где час назад убила Аню. До него было меньше пятидесяти метров. Выйдя на берег, она почувствовала, что стала уже не той Катей, которую рвало в ивовых кустах. Она взяла саперную лопатку, лежащую возле не дорытой ямы, ту самую лопатку, при помощи которой Лепешкина закопала труп Татьяны, и забегая по колену в воду, стала кидать с нее в Волгу перепачканный Аниной кровью песок. Через сорок минут на островке не осталось и следа от недавней борьбы двух очаровательных похожих друг на друга блондинок.

Дождь разошелся не на шутку, и он неожиданно стал неплохим помощником для Барби. Когда совсем стемнело, она выдернула древко с лопатки и кинула его в реку. Быстрое течение вскоре унесло безымянную палку. Саму лопатку Катя бросила на десять метров от ивовых кустов, и она благополучно пошла ко дну. Затем

она тщательно завернула дощечки в сдутую лодку и поплыла к берегу. На берегу ей удивительно повезло. Она сумела найти большой черный целлофановый мешок с мусором. Вынув из него все содержимое, Барби запихала в этот мешок сложенную вчетверо резиновую лодку и два лакированных сиденья и стала осторожно, то и дело оглядываясь по сторонам, подниматься по мокрой глинистой дорожке. Мешок она, разумеется, взяла с собой на дачу.

Придя домой, Барби сняла купальник, надела чистое белье и красивое платье, босоножки на каблуках, вылила на себя половину флакона духов и направилась к соседней даче. Она явно шла не с Волги, и это должно было быть понятно всем.

— Сергей Николаевич, откройте! — закричала она у ворот. Толстомордый бугай, сын покойного ректора Хренова, отворил калитку. Барби ненавидела этого буржуя, бывшего радиофизика, который бросил науку и теперь торговал мягкой игрушкой.

— Я заболела. Температура. Мне нужно срочно позвонить водителю. Хренов, почесывая волосатую грудь, сунул ей в руку огромную трубку мобильного телефона. Это чудо в то время только появлялось в несчастной России и свидетельствовало об особом, привилегированном положении ее владельца.

— Недолго только, Катерина. На городской номер дорого.

— Алексей, мне нужно срочно ехать в город... Чем раньше, тем лучше... Жду.

В шесть часов утра Катя была уже готова к отъезду. Все вещи были собраны, а вместе с ними и тот самый черный мусорный мешок, в котором лежали сдутая лодка и сиденья.

Флегматичный Алексей, водитель огромной «тойоты», был невероятно пунктуален. В половине седьмого он подъехал к Катиной даче.

— Что случилось, Катюша? — поинтересовался он для приличия.

— Да так, отравилась чем-то. Похоже, зря творог купила в магазине. Он у них часто просроченный бывает. Да и надоело мне здесь, честно говоря, — погода осенняя.

— Да, лето особенное, — согласился водитель. — Такого холодного лета, пожалуй, отродясь в России не бывало. Надолго оно мне запомнится. — А уж мне тем более, — согласилась Катя. И, хлопнув дверью «тойоты», потянулась за ремнем, чтобы пристегнуться.

— А вот я не пристегиваюсь давно, — сказал Алексей. — Тело должно свободу чувствовать. Да и мусора за это штрафовать перестали...

